

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

К.Г. Салтыков

**СЕМАНТИКА
ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ**

Хабаровск, 2015

УДК 34
ББК 67
С 166

Рекомендована редакционно-издательским советом
Дальневосточного юридического института МВД России

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *В.П. Малахов*
(Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя);
кандидат юридических наук, доцент *Ю.В. Егорова*
(Восточно-Сибирский институт МВД России)

Салтыков, К.Г.

С 166 Семантика юридических терминов : монография / К.Г. Салтыков ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО МВД России, 2015. – 104с.
ISBN 978-5-9753-0208-3

В работе предпринята попытка проанализировать современное состояние слов и словосочетаний, обозначающих юридические понятия, а также раскрыть особенности вариативности семантики юридических терминов. Исследование структуры современных терминологических основ юриспруденции выявило наличие различных семантических отношений между терминами, обслуживающими правоведение как самостоятельную отрасль знания, что позволяет вести речь о формировании категориально-понятийной системы специального юридического языка и становлении его терминологии, которая является гибкой и живо реагирующей на изменения в теории и практике как языкознания, так и правоведения.

Предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, а также практикующих юристов.

УДК 34

ББК 67

ISBN 978-5-9753-0208-3

© Салтыков К.Г., 2015

© ФГКОУ ВПО

ДВЮИ МВД России, 2015

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Терминологическая модель формализации понятийной структуры права.....	6
§ 1. Юридический термин как репрезентативная единица.....	6
§ 2. Семантизация термина в юридическом тексте	12
§ 3. Прагматические свойства юридических терминов	19
Глава 2. Семантическая природа юридического термина, как средства референции и концептуализации правовых понятий и явлений.....	32
§ 1. Семасиология юридических терминов	32
§ 2. Семантические особенности публично-правовой терминологии	43
§ 3. Семантические особенности частноправовой терминологии.....	63
Заключение.....	85
Список использованной литературы.....	88

Введение

Продуктивность исследований, предметом которых являются семантические характеристики юридических терминов, обусловлена их актуальностью в свете интенсивного развития как юриспруденции, так и юридической лингвистики.

Юридическая терминология является самостоятельной, многоаспектной, формирующейся, динамичной, в определенной степени упорядоченной терминологической системой, которая адекватно отражает понятийную структуру права на семантическом уровне. Одной из основных функций единиц юридической терминологии является обозначение специальных понятий определенной области знания. Сложность вербализуемых юридическими терминами правовых категорий заставляет обратиться к содержательной структуре термина как средству юридической техники. Обозначенное направление представляется особенно перспективным, так как оно ориентировано на комплексное всестороннее изучение терминосистемы юридического языка и семантики юридического термина, что позволит установить такой режим законодательной и правоприменительной деятельности, при котором бы «субъекты действовали на основе правильного и единообразного понимания явлений, определение которых дается в законе»¹.

Учитывая, что терминологическая система любой предметной области является структурированной совокупностью взаимосвязанных единиц, исследование семантики юридической лексики должно проводиться в системном аспекте.

Вопросы семантики, а также полисемии как частного проявления проблемы асимметрии терминологического знака традиционно привлекали внимание ученых², однако на материале юридической терминологии такие исследования не проводились.

Не утратили научной новизны исследования особенностей специальной юридической лексики как самостоятельного, отдельного пласта в составе языка. Необходимо уточнить и дополнить имеющиеся представления о процессе и особенностях терминологической номинации правовых явлений. Пристального внимания заслуживает семасиологический аспект изучения феномена полисемии юридических терминов.

При изучении полисемии юридической терминологии необходимо учитывать, что в настоящее время существует три основных подхода к методике проведения подобных исследований: деривационный, обусловленный компо-

¹ Бахта А.С. Нормы-дефиниции в уголовно-процессуальном праве // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 56.

² Трифонова Е.Н. Полисемия банковских терминов в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004; Шестак О.В. Полисемия терминов медицинских наук: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000; Урысон Е.В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36; Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи: учеб. пособие. М.: КомКнига, 2005.

нентным составом структуры терминов и закреплённостью отдельных терминологических элементов за определёнными категориями и понятиями; функционально-полевой, направленный на семантику терминов конкретных областей знания с помощью фиксированных средств профессиональной речи через соотносённость их в общем полевом пространстве; и лексический, основанный на межсистемных, межотраслевых и межнаучных связях и отношениях¹.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена назревшей необходимостью комплексного изучения семантики специальной юридической лексики в деривационном, функционально-полевом и лексическом аспектах, а также упорядочения юридической терминологии.

В настоящей работе для изучения содержательной структуры однозначных и многозначных юридических терминов, а также для исследования процессов взаимодействия юридической терминологии и общеупотребительного языка и их влияния на формирование содержательной структуры терминологических единиц юридического языка отбирались как однословные единицы, так и терминологические словосочетания.

Исследование феномена полисемии юридических терминов, по нашему мнению, должно основываться на пресуппозиционном положении о самостоятельном системном функционировании юридической терминологии, состоящей из единиц разных терминологических групп и обладающей как типичными для терминосистем качествами (соотносённость с понятиями и реалиями профессиональной сферы, строгая системная организация), так и специфическими чертами, проявляющимися в открытом, динамичном характере активно развивающейся терминосистемы.

Существенное значение имеет широкое использование в устной и письменной речи различных представителей юридического сообщества не только специальной терминологии, но и основных, производных, сложных, базовых, привлечённых, общенаучных/общетехнических и общих понятий, что выражается в соответствующих группах терминов. Это позволяет представить иерархическую структуру терминосистемы юридического языка в виде фрейма, состоящего из подфреймов, которые, в свою очередь, содержат субфреймы.

Метафорический или метонимический перенос, или специализации значения, основанные на дифференциальных признаках слова, обеспечивают формирование семантики при терминологизации понятий. Поэтому, приступая к анализу юридической терминологии, важно помнить, что в ее значении сохраняется лишь часть значения производящего слова, что связано с вхождением юридического термина в систему номинаций правовых явлений и формированием этой системы через установление системных связей.

¹ Морозова Л.А. Терминознание: основы и методы. М.: Прометей, 2004. С. 78-79.

ГЛАВА 1

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ ПРАВА

§ 1. Юридический термин как репрезентативная единица

Неотъемлемым свойством человека является речемыслительная деятельность. Имплицитно протекающие в человеческом сознании процессы находят эксплицитное выражение в языковой системе, средства которой определяют степень творческой свободы индивида в познании мира. Своеобразным коррелятом ментальных операций, протекающих в сознании человека, являются термины¹, которые включаются в лексику языка в качестве самостоятельных номинативных единиц, соответствующих определенным понятиям. Значение термина обычно представлено дефиницией, отражающей структурированные отношения между явлениями или объектами.

Современная научная литература отличается многоаспектностью в рассмотрении термина. Остаются спорными, вызывающими острые дискуссии вопросы природы термина как репрезентанта научного знания, терминологичности словосочетаний номинативного типа, формирования терминологических основ отдельных областей научного знания и придания им универсального характера.

В.В. Виноградов видел основную особенность термина в том, что слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно - простой знак, или средством логического определения, тогда оно - научный термин². В истории терминологии не часто возникают проблемы лексической сочетаемости, синонимии, антонимии, т.к. судьба слова-термина никак не связана с судьбой других слов³. Вместе с тем, аттестуя термины как речевые номинативные единицы научного стиля, В.П. Даниленко отмечал: «Термины – это слова, и ничто языковое им не чуждо»⁴.

Термин образует со сходными единицами систему либо стремится к ее образованию для отражения системы понятий определенной предметной области и выполнения общей функции (коммуникативной). Под системой понимается сбалансированная устойчивая совокупность существующих и вновь появ-

¹ Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. С. 15.

² Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972.

³ Капанадзе Т.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 78.

⁴ Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М.: Наука, 1971. С. 72.

ляющихся элементов, которая поддерживает необходимые связи и отношения в ходе своего целостного функционирования¹. Основными признаками системы являются: а) элементы и их совокупность - объектность; б) отношения между элементами и их совокупностями - структура; в) интегративное свойство, которое и определяет целостность и единство системы².

Система, элементами которой являются термины и их группы, может быть обозначена как терминосистема. Творческий поиск в области использования лингвистических средств первоначально связан с развитием системы понятий, а затем с ее адекватным отражением в терминосистеме. Внутренняя связанность терминосистемы обеспечивается корреляциями семантических полей, семантической производностью, использованием родовых терминов в видовых в качестве терминоэлементов и т.д.

Относительно степени упорядоченности терминосистема и терминология выступают в качестве организованных совокупностей, обладающих соответствующими признаками. В зависимости от расстановки акцентов, понятия «терминология» и «терминосистема» можно считать синонимичными. В когнитивном контексте логичнее использовать понятие «терминосистема», а в общеязыковом смысле более подойдет понятие «терминология»³.

Разделяя научную позицию С.Д. Шелова относительно концептуальных основ построения терминологической теории и в части ориентации на особенности родовидовых определений и родовидовой иерархии терминологических понятий⁴, в целях настоящего исследования под термином понимается специальная номинация, обладающая формальными и семантическими признаками общеупотребительного слова (словосочетания), соответствующая, как правило, определенному по содержанию и объему специальному понятию в системе понятий формирующейся или сформированной области знания.

Здесь необходимо сделать оговорку о том, что соответствие термина определенному по содержанию и объему специальному понятию из области юриспруденции носит гипотетический характер в условиях, когда «часто говорят также о римских, германских правовых понятиях, о правовых понятиях, как они определены в том или ином кодексе законов, между тем как там нет и речи

¹ Агошкова Е.Б. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170-179.

² Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974.

³ Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

⁴ Шелов С.Д. Родовидовые определения и родовидовая иерархия терминологических понятий (на примере определений лингвистических терминов) // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 72-83; он же. К лингвистической типологии терминологических определений // Научно-техническая информация. 2000. № 2. С. 8-14.

о понятиях, а есть только общие правовые определения, рассудочные положения, правила, законы и т.д.»¹.

Слово обладает функцией обслуживать определенный фрагмент языковой картины мира. При этом важную роль играют группы терминов, составляющих основу специальных языков. Это связано с тем, что функциональное расслоение современных языков, используемых в обществе со сложной структурой общественных отношений, уже привело к выделению многообразия подязыков, которые в известной мере сами могут быть приравнены к языкам. Появление и распространение языков для специальных целей существенным образом повлияло на все современные развитые национальные языки в сторону их интеллектуализации². Одним из таких специальных языков является юридический, который призван отражать как уже имеющиеся, так и возникающие правовые процессы и явления, создаваемые на основе теоретического знания. Юридический язык отличается высокой степенью теоретического моделирования, что находит свое отражение в речевой сфере и организации номинативных единиц текста нормативного правового акта. Юридический стиль речи является сферой функционирования специальных терминов как номинативных единиц языка, обслуживающих *regio juris* и позволяющих разграничить «бытийную» и «юридическую» картины мира. Письменная и устная юридическая речь строится на основе профессиональной стратификации лексем в согласии с общепринятыми в терминоведении классификациями. Образование юридических терминов развивалось и развивается в общем русле лингвистического процесса, характерного для терминосистемы в целом.

Анализ терминологических единиц юридического языка в репрезентативном аспекте показал, что юридический термин представляет собой комплексную языковую единицу, включающую действительный и мнимый компоненты. Действительный компонент представлен лексико-морфологическими и синтаксическими средствами языковой системы. Материализованная вербальными лексико-синтаксическими средствами модель пропозиции термина является его мнимым компонентом, который представляет собой содержание юридического термина и является его дефиницией. Представляется возможным вести речь о наличии двух эксплицитных компонентов юридического термина. Один из них – это форма, отличающая его от других слов, а другой – содержание, определяющее область и ситуацию его применения. При установлении и анализе соотношения формы и содержания юридического термина следует учитывать, что особенностью современного российского законодательства является то, что далеко не каждый его термин снабжен информационной моделью, состоящей

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 2007. С. 52.

² Лейчик В.М. Люди и слова. М., 1982.

из иерархизированных синтаксических концептов (дефиницией). В подобных случаях семантика юридического термина может быть установлена путем эмпирического наблюдения релевантных особенностей его образования и функционирования, а также анализа взаимозависимостей, складывающихся в терминологической системе юридического языка. При этом необходимо исходить из того, что массив юридических терминологических единиц является упорядоченной системой, отражающей определенные фрагменты идеальной картины мира, воплощенной в правовой действительности.

Семантика юридических терминов как лингвистическое явление может быть исследована путем применения ономазиологического и семасиологического критериев определения номинативных единиц в процессе семантического анализа, методов кластеризации и трансформации, а также метода аналоговых сопоставлений и сравнений. Учитывая, что термин представлен словом или устойчивой комбинацией слов, а его содержание обычно эксплицировано дефиницией, в качестве предмета исследования в настоящей работе выступает специальная лексика нормативных правовых актов, актов правоприменения, доктринальных источников; терминология, содержащаяся в юридических словарях, глоссариях и тезаурусах, созданных в соответствии с требованиями современного терминоведения. При этом юридический термин оказывается в фокусе внимания не сам по себе, а во взаимосвязи с синтаксическими концептами, составляющими его пропозицию, представленную дефиницией.

Говоря о дифференциальных особенностях юридических терминов, необходимо отметить, что они могут быть образованы на основе как исконных, так и заимствованных слов. В первом случае из лексического фонда русского языка методом семной деривации подбирается ядро термина, определяющее его относительную моносемантичность и позволяющее функционировать как особое целостное слово в условиях коммуникации, ориентированной на передачу знания. При этом, чем очевиднее симметрия между формами термина и производящей лексемы («правоотношение» - «отношение»), тем сильнее неравновесность между формой и содержанием термина (под «правоотношением» понимается уже не «отношение» как таковое, а «специфический результат воздействия нормы права на фактическое общественное отношение»¹). Во втором случае заимствованное слово связывается с системой русского языка путем приобретения аффиксов и возникновения новых грамматических свойств. Например, термины «облигатный», «облигация», «облигационер» являются соответствен-

¹ Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2001. С. 245.

но прилагательным и существительными женского и мужского рода, производными от латинского *obligatio* – обязательство¹.

Таким образом, юридический термин является производной единицей лексической системы языка, которая наделена свойствами грамматических и словообразовательных категорий производящего слова, но по своим свойствам и функциям отличается от свойств, характерных для слова и лексемы как системных элементов языковой иерархии. При этом наличие в языке производящей лексики и синонимов юридических терминов способствует целостности представлений о внеязыковой картине мира и успешному формированию мировоззрения юриста.

В настоящее время многие научные изыскания в области юриспруденции могут быть включены в парадигму лингвистических исследований термина. Лакуны в теоретической разработанности юридического термина как репрезентативной единицы порождают теоретические и практические потребности в исследовании массива терминологических единиц юридического языка.

Свободное владение юридическими терминами, чтение специальной литературы, выполнение исследовательских работ являются неперенными условиями подготовки новой генерации юристов. Решение теоретических и практических задач, связанных с юридической терминологией, приобретает особую актуальность. Необходимо определить и описать функциональный потенциал терминов в отражении юридических феноменов различной природы, который способствует возникновению референциальных отношений по поводу употребления терминологических единиц, привлекая пристальное внимание не только специалистов в области терминографии и лингвистики, но и в области юриспруденции. Это объясняется необходимостью обоснования отношения к юридическому термину как к комплексной единице специального подъязыка, отражающей как определенный фрагмент правовой действительности, так и различные ступени его познания.

Являясь комплексной единицей в иерархии элементов языковой системы, юридический термин не может не обладать качеством полифункциональности, превосходящей по объему количество известных функций слова. Среди комплекса функций юридического термина в качестве основных можно выделить следующие:

1) юридический термин выступает в качестве минимальной единицы передачи информации, план выражения которой представлен словом или устойчивой комбинацией слов, а план содержания, как правило, эксплицирован дефиницией;

¹ Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2007. С. 403-404.

2) юридический термин представляет собой выражение единичного фрагмента мыслимой или реальной действительности;

3) в когнитивном отношении юридический термин отражает различные ступени познания права;

4) пополняет лексический состав языка.

Помимо этого, употребление юридических терминов межотраслевого характера (таких, например, как «договор», «принцип справедливости», «правовое поле», «правоотношение» и т.д.) в различных областях научного знания, а также в составе «пластов» специальной лексики отдельных профессиональных групп представителей юридического корпуса позволяет говорить о наличии у юридического термина функции моделирования виртуальной правовой реальности.

Процесс дальнейшего совершенствования российского законодательства, по нашему мнению, связан с необходимостью разработки и реализации стратегии использования юридического термина как репрезентативной единицы и средства юридической техники¹. Это будет способствовать определению функционального потенциала юридических терминов в отражении правовых феноменов и их элементов, оптимизации применения типологических, релевантных лексико-синтаксических способов организации терминологических основ правотворчества и правоприменения, а также созданию лингвистической базы для описания терминосистем отдельных отраслей права в информационном и прагматическом аспектах. Стратегический подход к использованию юридического термина позволит уточнить теоретические положения юридического стиля речи, опираясь на современные достижения терминографии и лингвистики и других областей знания.

Результаты дальнейшего изучения репрезентативной природы юридического термина позволят скорректировать отдельные положения в области терминоведения и послужат материалом для осмысления природы образования многокомпонентных терминологических единиц специального языка не только юриспруденции, но и социологии, политологии, экономики. Продолжение исследований лингвистических параметров юридических текстов с терминологических позиций, описание семантических функций юридических терминов в предложениях и дискурсах обеспечит возможность качественного изменения подходов к законопроектной и законодательной работе.

¹ Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 2002. С. 184.

§ 2. Семантизация термина в юридическом тексте

Информатизация и глобализация, охватившие современное общество, предполагают решение таких насущных научных задач, как повышение эффективности коммуникаций в процессе практической профессиональной и теоретической научной деятельности¹. В связи с этим особое значение приобретает термин как «вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший элемент профессиональной коммуникации»².

Коммуникативной единицей высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение, является текст (лат. *textus* – «ткань, сплетение, соединение») - объединенная по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность.

При отражении некоего коммуникативного события его элементы соотносятся с отдельными компонентами (или единицами) текста. Поэтому выявление единиц текста и их иерархии в общей структуре текста помогает вскрыть его сущностные характеристики – содержательные, функциональные, коммуникативные.

Трудно представить ситуацию существования права в условиях отсутствия крупных коммуникативно-когнитивных единиц (текстов). Правовой текст может быть интерпретирован и как референтная, и как коммуникативно-познавательная единица, без которой право существовать не может. Право в этом аспекте порождает порядок коммуникативных отношений, возникающих на основе интерпретации различных юридических текстов.

Если воля законодателя получила исчерпывающее, адекватное выражение, требования к языку правовых актов соблюдены, структура строго определена, текст правового акта официально опубликован, то акт правовой коммуникации можно считать завершенным.

Источники правовой информации, на основе которых конституируются правовые нормы (законы, подзаконные акты, судебные решения, правовые обычаи и т.д.), выступают в качестве первичных правовых текстов. Это дает основание различать, например, закон как семиотическую систему - систему знаков, составляющих правовой текст.

Особый интерес вызывают вторичные юридические тексты, или тексты-интерпретации. Создание вторичного текста связано с необходимостью инфор-

¹ Метешкин К.А. Анализ структуры дидактических языков науки // Проблемы построения лингвистического обеспечения образовательных систем высшей школы: сб. науч. ст. Харьков, 2005. С. 39.

² Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2004. С. 66.

мационно-логического структурирования первичного текста. Вторичный юридический текст представляет собой интерпретацию законодательного акта, суть которой заключается в том, чтобы, с одной стороны, полностью сохранить исходный смысл, а с другой - создать новую прагматическую рамку, т.е. истолковать текст другим способом, более доступным и прозрачным с точки зрения интерпретатора¹. В связи с этим необходимо сделать важную оговорку о том, что филигранно отточенная терминология не должна являться для юриста самоцелью при продуцировании вторичного юридического текста. Как совершенно справедливо заметил Гегель, «задача автора, особенно автора философской работы, состоит в открытии истин, высказывании истин, распространении истин и правильных понятий»². Термин, безусловно, важен, но не сам по себе, а как референт правового понятия.

Изучение особенностей семантизации юридических терминов невозможно без анализа, предметом которого выступает «определенным образом логически и синтаксически организованный фрагмент текста, концептуальным, структурным и коммуникативным центром которого является термин как объект авторской интенции, имеющий разную степень эксплицированности и разные языковые показатели»³.

Любой специальный язык (в том числе юридический) стремится к такому состоянию, когда за каждым термином стоит четкая, точная структура знания⁴. В сфере правоведения это особенно важно для расширения возможностей текста нормативного правового акта при семантизации его лексических единиц, так как именно законы и подзаконные акты являются основными и наиболее доступными источниками терминологической лексики, которую необходимо освоить и усвоить законодателю и правоприменителю для успешной коммуникации в сфере правового регулирования различных общественных отношений.

Термин в профессиональной юридической коммуникации является не только важнейшей составляющей языка права, но и фиксирует состояние юридического знания на определенный момент действительности. Семантизация юридического термина, релевантная по отношению к особенностям национальной правовой системы и конкретной ситуации правоприменения, на наш взгляд, является базой формирования профессиональной языковой личности юриста, отражая коммуникативно-прагматический подход к терминологии

¹ Космарская И.В. Юридические тексты-интерпретации // URL: <http://inlang.linguanet.ru/ScientificWork/ScientificArticles/detail> (дата обращения: 26.01.2014).

² Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 31.

³ Куликова И.С., Салмина Д.В. Ведение в металингвистику: системные, лексикографические и коммуникативно-прагматические аспекты лингвистической терминологии. СПб.: САГА, 2002. С. 156.

⁴ Новодранова В.Ф. Когнитивные аспекты терминоведения // Материалы 1-й международной школы-семинара по когнитивной лингвистике: в 2 ч. Тамбов, 1998. С. 13.

и позволяя построить на его основе систему введения специалиста в язык его профессии. Необходимым условием как устной, так и письменной речи юриста является правильное, логическое определение понятий, вводимых терминами, поскольку неправильно употребленный или понятый термин может дезинформировать партнеров по коммуникации. Во избежание этого необходима логическая операция определения, в процессе которой раскрывается содержание понятия, происходит семантизация, под которой для целей настоящего исследования предлагается понимать процесс и/или результат экспликации семантики терминологических единиц с помощью вербальных и невербальных средств¹. Обратим внимание на неизбежный дуализм понимания сущности феномена семантизации, который может иметь как деятельностный характер, так и выражаться в результате семантического поиска.

Сочетание основных закономерностей построения текста юридического документа с субъективной интерпретацией излагаемого имеет прагматическую направленность на выполнение конкретной коммуникативной задачи - экспликацию семантики юридических терминов вербальными и невербальными способами в условиях опосредованной коммуникации. Как правило, экспликация семантики юридического термина происходит путем введения в текст нормативного правового акта дефиниции.

К числу требований, предъявляемых к дефинициям юридических терминов, можно отнести: необходимость отражения только существенных признаков понятия; соразмерность понятию; системность; краткость и ясность; соблюдение норм и правил русского языка. Дефиниция не должна содержать признаков тавтологии и логического круга².

В большинстве случаев в текстах различной юридической природы наблюдается трехчастная структурная модель дефиниции: дефинируемый термин (семантическое ядро) + связка + определение³. Расположение компонентов в дефиниции может меняться. Дефинируемый термин может находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции.

Примером препозиционного расположения термина при введении в текст нормативного правового акта его дефиниции может стать пункт 2 ст. 2 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»⁴, где указано, что «безопасная зона -

¹ Комарова З.И. Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1991.

² Хижняк С.П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения // Правоведение. 1990. № 6. С. 67-71.

³ Шилова Е.В. Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 152.

⁴ Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Парламентская газета. 2008. 31 июля.

зона, в которой люди защищены от воздействия опасных факторов пожара или в которой опасные факторы пожара отсутствуют либо не превышают предельно допустимых значений».

Высший Арбитражный Суд РФ при попытке сформулировать дефиницию термина «сделка, совершаемая в процессе обычной хозяйственной деятельности», отметил, что к таким сделкам «могут относиться сделки по приобретению обществом сырья и материалов, необходимых для осуществления производственно-хозяйственной деятельности, реализации готовой продукции, получению кредитов для оплаты текущих операций (например, на приобретение оптовых партий товаров для последующей реализации их путем розничной продажи). При этом не является основанием для квалификации сделки как совершенной в процессе обычной хозяйственной деятельности один только факт ее совершения в рамках вида деятельности, упомянутого в Едином государственном реестре юридических лиц или уставе общества как основного для данного юридического лица, либо то, что общество имеет лицензию на право осуществления такого вида деятельности»¹, т.е. использовал прием интерпозиции термина по отношению к его дефиниции. В данном случае имеет место контекстуально-синтаксическое определение понятия «сделка, совершаемая в процессе обычной хозяйственной деятельности», которое намечает значение осмысливаемого понятия или объекта, лишь приблизительно определяя границы его объема. Определение термина в таких предложениях носит характер попутного замечания к основному содержанию высказывания. Контекстуальные определения представляют собой фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу (термин), необходимый и достаточный для определения значения этой единицы. Важное условие реализации подобного рода определения - «полная ясность состава единиц, с помощью которых она задается, то есть другие термины, которые выступают в роли определяющих, должны быть точно определены в предыдущих контекстах»².

В качестве примера постпозиции в расположении юридического термина и его дефиниции приведем фрагмент текста одного из информационных писем Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России, где говорится о «порядке определения налоговой базы по налогу на имущество организаций в отношении сетей и систем инженерно-технического обеспече-

¹ Пункт 6 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

² Зарва А.М. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. С. 10-12.

ния, являющихся неотъемлемой частью здания»¹. При определении налоговой базы по налогу на имущество организаций термин «неотъемлемая часть здания» предлагается понимать как сети и системы инженерно-технического обеспечения. В данном примере интерпретатор может столкнуться с определенными сложностями, обусловленными особенностями метатекстовых действий авторов текста по членению и осознанию действительности в процессе раскрытия понятийного содержания терминов. К тому же не следует забывать, что дефиниция термина в содержательном отношении крайне близка к определению обозначаемого им понятия. Такое определение, с одной стороны, само суть понятие, с другой – так как понятие есть идея, определение выступает в качестве формы ее наличного бытия².

Таким образом, семантизация юридических терминов возможна как на уровне предложения, так и на уровне контекста, который делает изложение более доступным и понятным, предоставляя возможность системного осмысления предлагаемого значения термина и отражая многообразие логических отношений в системе научных понятий, обслуживающих ту или иную отрасль права. Возникают условия для моделирования специальных знаний в сфере функционирования терминов, представляется возможным вести речь о создании фрейм-схемы термина в процессе его семантизации, что способствует формированию основ для построения юридического текста путем обеспечения информативности и унифицированности лексики. К тому же осознание результатов семантизации юридических терминов представляет собой фундамент терминологической культуры специалиста, развитости его научного мышления. Постоянный взаимопереход языковой и концептуальной картины мира, наблюдаемый в процессе освоения личностью профессионального пространства, влечет за собой переход от обыденного уровня сознания языковой личности к профессиональному юридическому уровню сознания.

Теория фреймов среди способов и теорий семантизации заслуживает отдельного внимания. Фрейм как традиционная единица когнитивистики может использоваться исследователями для моделирования концепта или концептосферы³. Указанная теория нашла широкое применение в процессе терминологической референции значений различных юридических категорий. Так, исследователи проблемы применения информационного и логико-математического моделирования в судебной экспертизе и криминалистике отмечают, что осуществление такого моделирования возможно на основе семантических сетей

¹ Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 4 марта 2014 г. № 03-05-05-01/9272 // Учет. Налоги. Право - Официальные документы. 2014. 6-19 мая.

² Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 87.

³ Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. С. 42.

и фреймов¹. В другом случае при помощи категории «фрейм» раскрывается сущность директивности в деятельности судебного пристава-исполнителя². Рефрейминг рассматривается как способ урегулирования юридических конфликтов³. Деление на фреймы может выступать как способ анализа искового заявления⁴.

Наиболее распространенной теорией фреймов является теория М. Минского⁵, предложившего понимать под фреймом иерархическую структуру для представления в мозгу человека знаний об определенном обобщенном фрагменте действительности, типичном положении дел, в котором связаны участники, их действия и необходимые при этом предметы. Осмыслению в данном случае подлежит не одна конкретная ситуация, а наиболее характерные, основные моменты ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу.

Являясь способом структурирования научного знания в сознании человека, фреймы представляют собой определенным образом организованные ментальные подсистемы с номинативным оснащением. Дефиниция термина является своеобразным отражением ментальной модели того предмета или явления, которое термин обозначает, и может быть представлена многоуровневой структурой - фреймом.

Концептуальная модель конкретной отрасли науки выступает в качестве фрагмента общей научной картины мира и может быть представлена в виде терминов-фреймов, которые задают однозначные соответствия между концептами, входящими в данный фрейм, и единицами, номинирующими концепты⁶.

Как форма моделирования, в отличие от текстовых металингвистических коммуникативных ситуаций, фрейм является более жесткой структурой, которая позволяет вычлнить и разграничить существенные и отличительные признаки терминируемого понятия, наглядно отразить его логико-понятийные связи в объективно существующей системе понятий изучаемой отрасли знаний и производственной деятельности, отражающей особенности устройства данного фрагмента научной картины мира. Таким образом, конструирование моделей концептосферы и терминосистемы права обуславливает необходимость не

¹ Аршинский Л.В., Жигалов Н.Ю., Мункожаргалов Ц.Б. Проблемы применения информационного и логико-математического моделирования в судебной экспертизе и криминалистике // Российский следователь. 2013. № 3. С. 6-10.

² Кунина М.Н. Директивность как составляющая (категория) дискурса судебного пристава-исполнителя (СПИ) // Общество и право. 2011. № 5. С. 305-310.

³ Лазарев С.В. Основы судебного примирения. М.: Инфотропик Медиа, 2011.

⁴ Попов И.Д. Практика инициации иска в арбитражном процессе // Юрист. 2009. № 9. С. 61-67.

⁵ Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

⁶ Герд А.С. Логико-понятийное моделирование терминосистем // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание: межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1988. С. 114-123.

столько «суммарного» подхода к юриспруденции в целом, сколько рассмотрения ее отдельных фреймовых подструктур и выявление их неполного изоморфизма.

Обобщая результаты анализа феномена семантизации юридических терминов в нескольких тезисах, отметим, что концептуализация различных явлений правовой действительности позволяет говорить о их многоуровневой, многомерной структуре, которая находит отражение в терминосистеме юридического подъязыка¹.

Текстовый характер дефиниций предполагает различные типы семантизации юридических терминов для отражения концептосферы права. Таким образом, сам юридический термин выступает как лексическая единица юридического языка, обозначающая конкретное или абстрактное понятие теории права².

Типы семантизации, являясь единицами текстового уровня, задают своеобразные «коды» представления знаний об изучаемом фрагменте действительности, которые обеспечивают когнитивно опосредованное развитие знака (термина) как объекта познания и взаимоотношения коммуникантов и запускают механизм знаково опосредованного развития личности. Семантизация в различных видах юридических текстов выступает как средство создания адекватных «кодов» обеспечения профессиональной языковой компетенции личности, а следовательно, успешности ее дальнейшей профессиональной коммуникации.

Действительно, связь коммуникативной, когнитивной и металингвистической функции языка в процессе семантизации терминов позволяет говорить о том, что семантизация юридических терминов теснейшим образом связана с такой категорией, как профессиональная языковая личность, имеющей в основе концепцию языковой личности³. К существенным характеристикам профессиональной языковой личности относятся: деятельность в специальной (профессиональной) сфере, социальная полифункциональность, формирование научной картины мира⁴.

Комплексное исследование семантизации юридических терминов с использованием методов фреймового и дефиниционного анализа позволило провести концептуализацию изучаемой предметной области, что помогло опреде-

¹ Нетрудно заметить, что в рамках настоящего исследования термины «юридический язык» и «юридический подъязык» используются как синонимы. Это происходит от того, что оба они эквивалентны общепринятому в науке понятию Language for Special / Specific Purposes (LSP) - язык для специальных целей, ядро которого составляет терминология. Подъязык рассматривается нами как функциональная разновидность национального языка.

² Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. С. 31-32.

³ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Междунар. отношения, 1987.

⁴ Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.

лить место и границы материала исследования, то есть выделить необходимый для изучения корпус семантизаций.

Проблема семантизации юридического термина рассматривается нами с точки зрения процесса и результата экспликации семантики терминологических единиц в условиях опосредованной через юридический текст коммуникации. При этом фреймовая схема термина, созданная на основе выявленных типов семантизации в юридическом тексте, как форма моделирования специальных знаний в сфере юриспруденции эксплицитно отражает объем содержания терминируемого понятия и типы его отношений с другими понятиями, обозначенными терминами данной терминосистемы, на синтагматическом и парадигматическом уровнях.

Дальнейшее изучение многообразия приемов семантизации терминов в юридическом тексте с целью поиска ее оптимальных путей позволит выявить типологию реально существующих определений, а также установить связь между легальными дефинициями, словарными определениями и определениями, даваемыми в теоретических монографиях¹.

§ 3. Прагматические свойства юридических терминов

Метаязык права не часто выступает в качестве объекта научного интереса в области юриспруденции. Между тем изучение и презентация терминологической системы специального юридического языка не теряет актуальности из-за перманентных процессов терминообразования, принимающих характер информационного взрыва. В таких условиях особую важность приобретает всестороннее рассмотрение терминированных единиц как особых языковых знаков, которое невозможно без анализа прагматических свойств юридических терминов. Обращение к прагматике юридического термина в контексте исследования феномена его полисемии связано с тем, что широко распространенное в науке семиотическое представление о термине основано на неразрывной связи и взаимообусловленности его семантики и прагматики².

Вместе с тем, для целей настоящего исследования необходимо дать некоторые пояснения относительно корректности и уместности употребления термина «прагматика» в процессе раскрытия семантических характеристик юридических терминов.

¹ Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей. М.: Едиториал УРСС, 2004; Табанакова В.Д. Моделирование научно-исследовательского текста. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004.

² Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997. С. 246.

Мы не можем отрицать того, что не все авторы¹ положительно воспринимают данный термин, аттестуя его как неудачный с самого начала и влекущий ложные ассоциации (например, с прагматизмом)². Тем не менее, термин «прагматика» закрепился как единственное обозначение целого ряда смежных понятий, став ключевым словом современной антропоцентрической лингвистики³. Представляется, что причиной использования данного термина является необходимость единого названия для всего, что связано с интерпретацией языкового знака реципиентами.

Для юридической науки данная проблематика актуальна в аспекте изучения объективных и субъективных причин интерпретационной вариативности юридического термина. Поэтому использование термина «прагматика» при исследовании феномена юридического термина представляется допустимым и особенно удачным при описании свойств так называемых оценочно-референтных слов, отличающихся тесной связью и переплетением предметного и оценочного значений. Примером такого слова может быть уголовно-правовой термин «пособник», который используется в ч.1, 5 ст. 33 УК РФ. В законе дан исчерпывающий перечень пособнических действий, однако, характеризуя действия пособника, некоторые авторы используют оценочные категории, указывая, что «пособничество состоит в оказании помощи другим лицам. Пособник действует «на подмоге», «на подхвате»⁴.

Такая прагматическая информация, как коннотации, смысловые приращения в тексте и контексте ситуации, символические созначения, была объектом научного внимания и раньше, однако без терминологического закрепления понятия «прагматика». Например, В.В. Виноградов представлял любую единицу языка как целый мир, во всех тонкостях ее внутреннего устройства, во всем богатстве ее внешних связей, ведущих в систему языка, в синтагматический контекст, в ситуацию общения, а затем в филологию, литературу, историю, культуру, в лингвистическую традицию ее изучения⁵.

Однако, допуская использование в настоящем исследовании термина «прагматика», не будем забывать, что «прагматика - понятие весьма диффуз-

¹ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка // Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985; он же. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2005.

² Действительно, различие общеязыковых и терминологических значений становится особенно заметным благодаря явлению паронимии (прагматика - прагматизм, прагматический - прагматичный).

³ Эпштейн М.Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С.19-33.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, 2013 // СПС «Гарант».

⁵ Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т.2. С. 156.

ное. Одни понимают под ним только актуальное членение, другие - субъективные оценки говорящего, третьи - речевые функции, четвертые - закономерности ежедневного общения»¹.

Предпринимая попытку вычленения и целенаправленного анализа прагматического (оценочного) компонента в семантическом содержании юридических терминов, необходимо отметить следующее.

Несмотря на то, что в научной литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что термин вообще и юридический термин в частности не содержит этнокультурных, квалификативных и эмоциональных коннотаций², полагаем, что юридический термин не лишен прагматических свойств, представленных его оценочными и эмоционально-экспрессивными компонентами. Безусловно, искать в терминологических единицах юридического языка «все то, что свойственно обычному слову, едва ли целесообразно»³, но не замечать тех проявлений в семантике и прагматике специального термина, которые сближают его с обычным словом, неправомерно, ибо это обедняет наше представление о юридической терминологии и ее возможностях.

Оценивая особенности развития российской юридической науки, В.А. Белов отмечает: «Наука существует не в вакууме, не сама по себе. Она есть постольку, поскольку ею занимаются. А занимаются ею люди – люди, которым ничто человеческое не чуждо»⁴. Очевидно, что юридическая терминология приобретает прагматические созначения в оценочном контексте «термин - личность». Таким образом, прагматический подход к юридическим терминам основан на отношениях между терминами и их пользователями, нередко помогая отграничить обычное определение слова и научную дефиницию.

В некоторых случаях терминология, употребляемая в тексте нормативного правового акта, характеризуется такими свойствами, как оценочность и эмоциональность. Так, в п. 36 приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»⁵ говорится о выявлении «несовершеннолетних правонарушителей, родителей или иных законных представителей, отрицательно влияющих на детей». Трудно

¹ Мустайоки А. Возможна ли грамматика на семантической основе? // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 17.

² Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. С. 17.

³ Азарова Л.Е. Лексико-семантические особенности термина // Языковые единицы: логика и семантика, функции и прагматика: сб. науч. трудов к 75-летию П.В. Чеснокова. Таганрог: ТГПИ, 1999. С.193.

⁴ Белов В.А. «Да Бог с ней, с истиной – мне Платон дороже», или О человеческих отношениях в российской науке // Закон. 2014. № 12. С. 63.

⁵ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

не согласится с тем, что квалификация какой-либо деятельности как влияния на человека и выявление ее отрицательного характера требует не только оценки, но и определенного эмоционального отношения, наделяющего термин «отрицательное влияние» свойством пейоративности.

В связи с исследованием прагматических свойств юридических терминов необходимо также заметить, что ретроспективное исследование динамических характеристик юридического дискурса и терминопотребления позволяет даже на интуитивном уровне определить, что лексический стиль юридических документов не остается неизменным и напрямую зависит от общих тенденций развития и функционирования литературного языка в целом, которые, в свою очередь, детерминируются комплексом собственно лингвистических и экстралингвистических факторов. Например, в п. 380 гл. XXV ч. 1 (и неоднократно далее по тексту) Учреждений для управления губерний Всероссийской Империи 1775 г.¹ употреблялся достаточно экспрессивно окрашенный термин «сумасшедший», а в п. 353 разд. 4 Первого отделения гл. 4 Устава уголовного судопроизводства ноября 1864 г.² использованы аналогичным образом эмоционально окрашенные термины «не имеющий здравого рассудка», «умственное расстройство», «безумие». Обратим внимание на то, сколь широки границы интерпретационного пространства и многочисленны оттенки смысла данных терминов. Но течение времени и изменения русского языка привели к тому, что сегодня применяется иная терминология, а именно термин «лицо, страдающее психическими расстройствами»³. Эмоциональную окраску указанного термина трудно не заметить, обратив внимание на входящее в его состав слово «страдающее». Менее экспрессивно звучал бы термин «лицо, имеющее психические расстройства» или «лицо с расстройством психики».

Известно, что в истории отечественной юриспруденции было время, когда юридическая терминология была подвержена мощному импульсу, исходящему от политического дискурса. В пункте 3 Постановления ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС от 22 декабря 1987 г. № 1457 «Об обеспечении эффективной занятости населения, совершенствовании системы трудоустройства и усилении социальных гарантий для трудящихся»⁴ указывалось, что «руководителям объединений и предприятий, организаций и учреждений, партийным и профсоюзным организациям обеспечивать необходимые условия для высокопроизводительного труда всех работников, добиваться укрепления порядка на производстве, повысить требовательность к нарушителям трудовой дисциплины, лоды-

¹ СПС «Гарант».

² СПС «Гарант».

³ См.: ст. 16 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

⁴ Собрание Постановлений Правительства СССР. 1988. № 5. Ст. 13.

рям и летунам, утверждать атмосферу непримиримости коллектива к недобросовестному отношению к труду, общественному долгу. Поднять роль аттестации руководителей и специалистов при оценке качества их труда».

Всегда ли термин в юридическом дискурсе, подверженном всем веяниям эпохи, может оставаться внеэмоциональным и объективным? Вряд ли, ведь юридические термины или специальная лексика философии, истории, социологии, отчасти филологии, «нередко окрашиваются в "цвет" того общественного класса, с позиций которого ведется исследование»¹. Полная «отрешенность» от образных и эмоциональных аспектов недостижима в силу того, что термин есть слово в лексической системе естественного языка, а значит ему присущи все семиотические свойства. Указанное свойство юридических терминов является частным проявлением общей особенности позитивного права, выражающейся в изменении выгодности и благодетельности законов сообразно характеру эпохи².

Текст нормативного правового акта либо судебного решения является реализацией языка для специальных целей и предопределяет важнейшие особенности юридической терминологии. Юридический термин может быть охарактеризован как несущий стилистическую нагрузку, поскольку он является важнейшим стилеобразующим элементом юридического стиля литературного языка.

Юридический дискурс и отдельные высказывания образуют необходимую среду для реализации семантических и прагматических свойств юридического термина, не исключая при этом возможность решения проблемы прагматического созначения на уровне отдельного терминологического слова, которое на уровне собственной позитивной прагматики способно передавать общественно значимую информацию. Собственно прагматические приращения термин приобретает в живом функционировании.

В современной юридической науке преобладает (и даже признается желательным) поликонцептуализм, при котором новая научная парадигма не исключает, а дополняет, обогащает, развивает прежние концепции или просто сосуществует с ними. Само это обстоятельство делает невозможным одно из самых часто выдвигаемых требований к юридическому термину - требование однозначности. В таких условиях юридический термин может быть однозначным только в рамках одной концепции или доктринального подхода. Подобная точка зрения находит свое подтверждение при анализе результатов семантического поиска в отношении широко известного термина «юридическая ответственность», который в разное время осуществлялся различными авторами. Так, при

¹ Будагов Р.А. Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 37.

² Авл Геллий. Аттические ночи. СПб.: Гуманит. академия, 2007.

дефинировании данного термина используется понятие «правоотношение»¹, в других случаях значение термина «юридическая ответственность» раскрывается при помощи категории «мера государственного принуждения»², термин «юридическая ответственность» может быть интерпретирован и как «политико-правовое состояние»³.

Таким образом, однозначность, точность номинации юридического термина, которые являются его основными семасиологическими характеристиками, не являются закономерностью, не знающей исключений, а существуют в виде тенденции. «Интеллектуальная чистота» юридического термина является вряд ли осуществимым в полном объеме требованием.

Хорошо известно, что в специальных метаязыках существуют идеографические синонимы (появившиеся вследствие многообразия источников формирования терминологии, связей с другими областями знания). Однако реальностью являются и синонимы прагматические (эмоционально-экспрессивные), дающие возможность передать не только информацию, но и отношение к самой информации и к знаку, посредством которого она объективируется. Можно предположить, что с развитием дискурсивных практик в рамках юридической науки (в условиях свободы и плюрализма мнений) число таких коннотативных терминов будет возрастать.

Представляется, что наличие в системе специальной лексики юридического языка прагматических (эмоционально-экспрессивных) синонимов тесным образом связано с прагматическими особенностями юридических терминов. В рамках терминологического ряда не сложилось устойчивого (укорененного) семантического различия между синонимичными единицами и их нередко употребляют как полные дублеты. Прагматическое же различие у таких терминов достаточно явное. Так, формулировка названия Распоряжения Правительства РФ от 7 марта 2013 г. № 317-р «О Плане мероприятий (дорожная карта) «Оптимизация процедур регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁴ содержит термин «план мероприятий» и в скобках указание на его синоним «дорожная карта», имеющий явно положительную прагматику в силу ассоциации с указанием на верный путь движения куда-либо. В тексте приказа Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 19 мая 2014 г. № 129 «Об утверждении форм и сроков представления отчетов об использовании субсидии из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации на софинансирование объектов капитального строительства государственной (муниципальной) собственности» термин «дорожная карта» ис-

¹ Комаров С.А. Указ. соч. С. 303-304.

² Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. С. 44.

³ Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2002. С. 507.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2013. № 11. Ст. 1148.

пользуется как синоним лексемы «план-график», обладающий положительной прагматикой.

Кроме того, необходимо установить, возможно ли при изучении прагматических свойств юридических терминов использовать в качестве пресуппозиции тезис о том, что прагматические созначения оказываются следствием многократных употреблений слова в различных контекстах и явной прагматикой наделяются только слова, многократно употребленные в различных контекстах. Для этого рассмотрим в качестве примера термин «целеполагание», который до недавнего времени использовался лишь в отдельных документах Министерства образования и науки Российской Федерации в далеком от юриспруденции значении. В июне 2014 г. данный термин получил нормативное правовое закрепление на уровне Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В настоящее время под целеполаганием понимается «определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» (ст. 3 Закона). Одновременно с этим законодатель наделяет данный термин некоторым глобальным «рамочным» созначением, указывая, что «документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания» (ст. 11 Закона). Предположим, что в данном случае прагматика юридического термина может быть связана с коннотацией новизны и модальностью неожиданности употребления в профессиональной речи. Причем критерий здесь только психологический (или психолингвистический) - ощущение (восприятие) носителями языка того или иного слова как нового или, наоборот, утратившего новизну. Это в полной мере справедливо по отношению к юридическим терминам.

Однако ясно, что, когда речь идет о традиционных, часто употребляемых юридических терминах, их «этикеточный» характер глубоко закономерен: ведь они воплощают ту систему представлений, которая складывалась у юристов длительное время в процессе познания права того или иного государства. Споры между юристами нередко сводятся просто к уточнению содержания, стоящего за терминологическими обозначениями. Так, термин «общественный контроль» первоначально достаточно часто употреблялся применительно к различным социально-экономическим сферам и либо ассоциировался с отдельными видами деятельности (например, осуществление мониторинга)¹, либо связывал-

¹ Часть 2 ст. 21 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 2010. 31 декабря.

ся с определенным кругом полномочий субъектов контроля¹, либо дефинирование данного термина в тексте нормативных правовых актов не производилось². Процесс поиска единообразного понимания значения данного юридического термина завершился тем, что в настоящее время определение понятия, которое он обозначает, нашло свое закрепление в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», где указано, что «под общественным контролем в настоящем Федеральном законе понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений».

Итак, неизбежно возникающие прагматические приращения к основному семантическому содержанию являются следствием сочетаемости (синтагматики) и комбинаторики юридических терминов. В то же время рождение новых значений эксплицируется в характерной для преобразованной семантики сочетаемости терминологических единиц юридического языка.

Даже самые фундаментальные юридические термины, такие как, например, «право», не могут быть охарактеризованы как единицы с неизменным семантическим содержанием, ибо с развитием познания развивается и значение термина. Так, знаменитый древнеримский юрист Цельс понимал под правом науку о добром и справедливом³. В советский период право определялось как «система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государства»⁴. Нынешний период также не отличается однозначностью понимания значения данной юридической категории. Современное значение термина «право» может ассоциироваться как с «системой нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженной большей частью в законодательстве»⁵, так и с «государственной волей, выраженной в обязательном нормативном акте, обеспеченном принудительной силой государства»⁶. Интенциональные и экстенциональные различия в описании феноменов, охваты-

¹ Часть 3 ст. 102 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. 2013. 12 апреля.

² Статья 27 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Российская газета. 1998. 30 июня.

³ Дигесты Юстиниана / пер. И.С. Перетерского. М.: Наука, 1984. С. 23.

⁴ Юридический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1984. С. 272.

⁵ Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 196.

⁶ Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. С. 110.

ваемых множеством, соответствующим понятию «право» и поименованным аналогичным термином, становятся причиной того, что «для правоведа остается тайной – является ли правом то, что требуют законы, каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правовое и неправовое»¹.

Лингвокреативная деятельность в отношении юридической терминологии превращает ее в регулируемую человеком сферу языка. При этом воздействие человеческого фактора на юридическую терминологию простирается не только на область семантики, но и на сферу прагматики. Присущая языку кумулятивная функция определяет возможность накопления и отражения прагматической информации в любом слове языка, в том числе и в слове терминологическом.

Юридические термины служат для обозначения понятий, связанных с явлениями, требующими научного осмысления. Однако «не каждый продукт юридической доктрины оказывается востребованным законодателем, часть из предложенных конструкций, терминов, критериев деления и других наработок науки остается в забвении, почти всегда способствуя при этом движению юриспруденции в том русле, которое задается действием всех, в том числе и не признанных законодателем векторов»². Этим объясняется необходимость рассмотрения юридического термина не только в рамках позитивного права и, как следствие, специального текста, но и в других областях знания, где человек использует различные группы лексики для установления связи с предметами, окружающими его, и определения своего места в целостной картине мира. При этом следует учесть, что «во всей системе именовании человек присутствует как тот, кто специально предназначенными для этого языковыми средствами может сопоставить и сочлениить»³. Принимая во внимание то, что вся разнообразная палитра человеческих чувств, мыслей, переживаний, настроений находит отражение в индивидуальной художественной системе личности, попытаемся взглянуть на образную семантику юридического термина, расширив сферу его функционально-семантического анализа.

Текстовые синтагматические и парадигматические связи слов, а также культурно-исторические традиции их употребления нередко становятся причиной того, что юридические термины являются смысловым центром образных конструкций, создаваемых в процессе литературного творчества. Так, несмотря на свою специфичность, юридическая терминология активно и гармонично вживляется в стихотворную строку, создавая неповторимую экспрессивность. Попробуем представить формирование образной семантики юридической лек-

¹ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. Т. 4 (2). М., 1965. С. 139.

² Болдырев В.А. Конструкция юридического лица-несобственника: опыт цивилистического исследования. М.: Статут, 2012. С. 5.

³ Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М., 1999. С. 14.

стики в поэтических текстах посредством «фиксирования семантического вектора и семантического центра поэтического слова»¹.

По характеру функционирования в поэтической речи использование юридических терминов происходит по двум направлениям.

В первом случае юридическая лексика лишается своего специального значения и наделяется автором особым художественным смыслом. Примером такого подхода к использованию юридической терминологии могут стать строчки из стихотворения имевшего юридическое образование австрийского поэта И. Майрхофера «Мемнон»:

*«Судьбы моей печален приговор.
Я глух и нем, пока в тумане горы.
Но лишь блеснет пурпурный луч Авроры,
С пустыней я вступаю в разговор»².*

Автор здесь ведет речь о приговоре как о некоей фатальной предначертанности, а не как о «решении, вынесенном судом первой или апелляционной инстанции в результате судебного разбирательства уголовного дела, устанавливающим виновность или невиновность подсудимого, меру наказания и иные уголовно-правовые последствия признания виновности и невиновности лица»³. Анализ подобного подхода к использованию юридических терминов в поэтической речи, очевидно, выходит за рамки настоящей работы.

Иным образом юридическую лексику представляет в своем творчестве соотечественник Майрхофера – почетный гражданин города Вена А. Грюн:

*«Вот указ верховной власти. Он висит средь бела дня.
И в словах его притворных притаилась западня»⁴.*

Анализируя эти строки, можно вести речь не только о совпадении художественного и традиционного смысла термина «указ», но и о придании ему отрицательного созначения при помощи контекста. В этом небольшом по объему отрывке поэтического текста дается краткая характеристика лексики указа как притворной, и поскольку автор не называет конкретного нормативного правового акта, а говорит об абстрактном указе, то можно предположить, что за данными строчками скрывается нелицеприятная характеристика всего австрийского законодательства середины XIX в.

Также широко юридическая терминология использовалась русскими поэтами, в их произведениях можно встретить лексику из различных областей юриспруденции, начиная от уголовного процесса и заканчивая гражданским

¹ Яцкевич Л.Г. О предпосылках создания словаря поэта (пути и средоточия поэтического слова Н. Клюева) // Материалы по истории литературы и поэтике. Вологда, 1995.

² Европейская поэзия XIX века. М.: Художественная лит., 1977. С. 23, 797.

³ Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2007. С. 758.

⁴ Европейская поэзия XIX века. С. 42, 799.

правом. Наилучшим образом это можно проиллюстрировать на примере творчества Г.Р. Державина, который сталкивался с вопросами практической юриспруденции, и будучи в должности губернатора Тамбовской губернии, и будучи подсудимым. В широко известном стихотворении «Властителем и судьям» он использует юридический термин «судья» не только в названии, но и для характеристики правового положения и личных качеств высших лиц Российского государства:

*«Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я».*

В другом стихотворении поэта под названием «Вельможа» встречается классический гражданско-правовой термин «заимодавец» (ст. 807 ГК РФ), при помощи которого автор описывает экономическую сторону жизни российского чиновничества конца XVIII - начала XIX в.:

*«А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами»¹.*

Виртуозно использовал прагматический потенциал юридической терминологии А.К. Толстой, который в своих произведениях стремился максимально раскрыть ее интерпретационно-вариативные особенности. Разнообразный арсенал творческих приемов позволял ему убедительно показывать, как меняется понимание классических правовых категорий и обозначающих их терминов в угоду власти под влиянием должностного положения интерпретатора. В стихотворении «Сон Попова» поэт вкладывает в уста российского министра, прототипом которого, по всей вероятности, послужил министр внутренних дел П.А. Валуев (1815-1890), отличавшийся либеральным красноречием, следующие слова:

*«Искать не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала:
В ней собственность царит и капитал.
Британия строй жизни запятнала
Законностью. А я уж доказал:
Законность есть народное стесненье,
Гнуснейшее меж всеми преступленьем!»*

¹ Державин Г.Р. Стихотворения. Проза. Воронеж: Центрально-Черноз. кн. изд-во, 1980. С. 9, 28, 91.

Поразительно точно подбирая яркий контекст, А.К. Толстой в каждом конкретном случае, не отбрасывая общепринятого значения, придает юридическим терминам такие оттенки смысла, которые обеспечивают новое необычное восприятие слова читателем. В произведении «История государства российского от Гостомысла до Тимашева» дается краткая характеристика личности русского царя Ивана IV (Грозного):

*«Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг».*

Благодаря таланту автора, использовавшего юридический термин «супруг» в необычном контексте, мы можем предположить, что брак в восприятии Ивана Васильевича был не таинством, имеющим библейскую цель «прилепиться» к жене и стать одной плотью (Быт. 2, 24), а способом удовлетворения собственного сладострастия, имеющим матримониальную маскировку¹.

Более всего прагматические свойства термина заметны при анализе транслингвистической модификации поэтического текста при переводе одного произведения различными авторами. Безусловно, «если переводчик талантлив, воля автора не сковывает, а, напротив, окрыляет его. Искусство переводчика, как искусство актера, находится в полной зависимости от материала»². Казалось бы, в данном случае основания и пространство интерпретации низведены до минимума, отсутствует какая-либо возможность наделения юридического термина созначением и смысловой окраской.

Постараемся доказать обратное, тем более, что «основная природа человеческой личности сказывается не только в сознательных, но и в бессознательных ее проявлениях»³, а значит, личность переводчика найдет свое проявление в тексте при использовании и интерпретации юридических терминов.

Именно так произошло при переводе произведения О. Уайльда «Баллада Редингской тюрьмы» с английского на русский язык. Широкое распространение получили работы К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова, представивших стихотворные переводы поэтического творения скандально известного англичанина. Как известно, Валерий Яковлевич и Константин Дмитриевич были друзьями, политические убеждения обоих носили революционно-демократический характер, и, как следствие, такой термин, как «правосудие», воспринимался ими, скорее всего, негативно, ибо ассоциировался с самодержавным деспотизмом и угнетением. Вместе с этим, указанные авторы наделяли термин «правосудие»

¹ Русская поэзия XIX века. М.: Худож. лит., 1974. С. 349, 365, 672-676.

² Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Авалонь, 2008. С. 56.

³ Там же. С. 60.

и аналогичное понятие различной степенью пейоративности. В.Я. Брюсов не умолим:

*«Идет все прямо Правосудье,
Не потеряет след,
Могучих губит, губит слабых, -
В нем милосердья нет,
Пятой железной давит сильных, -
Убийца с давних лет!»*

Успевший поучиться на юридическом факультете Московского университета К.Д. Бальмонт менее категоричен:

*«О Правосудье человека,
Подобно ты Судьбе,
Ты губишь слабых, губишь сильных
В чудовищной борьбе,
Ты сильных бьешь пятой железной,
Проклятие тебе!»¹*

В целом, очевидно, что юридические термины, «помещенные» в текст поэтического произведения, неизбежно приобретают эмоциональную окраску. Они полностью или частично утрачивают свой специальный правовой смысл и используются для выражения чувств и воздействия на читателя в рамках реализации авторского замысла. Юридический термин, используемый поэтом, не дает информации и не находит практического применения, но являет смысл, ценность которого может состоять как раз в его неинформативности, в его отрешенности от практических нужд.

Художественный, практический и научный стили изложения создаются единицами и категориями всех уровней и соединяют интеллектуальное и эмоциональное начала. Нередко главная роль в этом процессе принадлежит терминологии юридического языка с присущими ей прагматическими свойствами. Перспективными и актуальными представляются дальнейшие исследования юридических терминов в данном направлении. В дальнейшем в фокусе научного внимания должны оказаться терминологические способы, позволяющие не только точно выразить понятие, но и передать отношение к нему со стороны участников юридического процесса.

Отдельный интерес представляет изучение специальных юридических текстов с точки зрения индивидуальности их авторов, которое находится в начале своего пути, в то время как в других стилях такое направление имеет значительные результаты.

¹ Уайльд О. Исповедь. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 302, 330.

ГЛАВА 2

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА КАК СРЕДСТВА РЕФЕРЕНЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ И ЯВЛЕНИЙ

§ 1. Семасиология юридических терминов

В ходе своего развития юриспруденция выработала категории, которые лежат в основе регулирования как отдельных сфер, так и групп общественных отношений, относятся к различным отраслям права и отражают особую форму и специфическую сущность правовых явлений и процессов, что позволяет научному мышлению двигаться по пути, определяемому их объективным содержанием.

Правовые категории и их терминологические обозначения прошли проверку временем и признаны необходимыми при регулировании разнообразных общественных связей как частноправового, так и публично-правового характера. Обращение к категориальной и терминологической сторонам права при анализе содержания нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности облегчает их разработку и практическое применение.

Знания и представления о праве как социальном явлении обладают интегративной и многомерной структурой, для отражения которой в научной литературе вводится понятие «смысл»¹, являющееся предметом изучения в направлении от плана выражения к плану содержания в рамках семасиологического аспекта семантики слова (ономасиологический аспект, где значение изучается в направлении от плана содержания к плану выражения, применительно к юридической терминологии требует изучения в рамках отдельного исследования)².

Семасиология – лингвистическая дисциплина, изучающая «значение» в естественных языках, ее предметом являются содержание, смысл языковых единиц разных уровней и их сочетаний, то, что они означают и выражают³. Выделение семасиологического аспекта в современной семантике существенно

¹ Как общенаучная категория «смысл» существует в рамках пространства самоопределения и внутренней активности человека, конституируемого индивидом в процессе опыта. См.: Кожевников С.Б. Эвристические горизонты концепции жизненного мира // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 130-139. Глубинное чувство утраты смысла, конфликтность и недифференцированность смысловой сферы вызывают чувство пустоты и экзистенциальной фрустрации. См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 24; Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 30-33.

² Современный русский язык: учебник / А. Белошапкова и др. М.: Высш. шк., 1989.

³ Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. С. 4-6.

для понимания природы основных лексических категорий, таких, как, например, многозначность, и, несомненно, является важным при исследовании смысла и значения юридических терминов.

По нашему мнению, уместно и допустимо использовать термин «семасиология», этимологически связанный с греческим словом *semasia* – «значение» (в англоязычной научной традиции более принято обозначение *semantics*, чем *semasiology*, а на почве романских языков предпочитают говорить в том же (или близком) смысле о семиологии - фр. *semiologie*), при описании и решении семантических проблем, связанных с юридической терминологией.

Семасиологический подход к праву в целом и к юридической терминологии в частности позволит адекватно отразить единство объективной и субъективной реальности в рамках традиционной методологии, рассматривая смысловое поле права как точку пересечения, в которой объективно сосуществуют и творчески взаимодействуют диалектический, синергетический, герменевтический и концептологический методы исследования¹.

Анализируя связь семасиологического аспекта юридической терминологии с категориями «смысл» и «значение» при обращении к справочной литературе, нетрудно заметить одну особенность. Под значением понимается «смысл, то, что данный предмет (слово, знак, жест) означает», иными словами, присутствует некоторая синонимичность слов «смысл» и «значение». В то же время авторы различных словарей связывают смысл не просто со значением, а со «значением, постигаемым разумом»², наделяя, таким образом, смысл качеством субъективности, что не позволяет говорить о полной конгруэнтности категорий «смысл» и «значение». На основании этого можно сделать предположение о том, что раскрытие специфики значения языковых единиц в акте речи и передаваемого смысла в естественных и искусственных языках связано с обнаружением различий между смыслом и значением.

Проблема смысла в историко-философском аспекте затрагивалась как на уровне общефилософской рефлексии, так и в региональных областях гуманитарного знания (в этике, культурологии, лингвистике). Являясь центральной темой логической семантики и аналитической философии, семантическая проблематика исследуется преимущественно в связи с изучением специальных языков отдельных областей знания.

Как отмечал А.Р. Лурия, «значение» связано с объективно сложившейся в процессе истории системой связей, которые стоят за словом. Значения слов есть часть общечеловеческого опыта, отражающего объективный мир с различ-

¹ Гаврилова Ю.А. Методологические проблемы изучения смыслового поля права // *Lex russica*. 2013. № 11. С. 1176-1183.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. С. 208, 632, 655; Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1940. Т. IV. С. 814.

ной полнотой и глубиной. Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей, имеющая разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых ею предметов, но обязательно сохраняющая неизменное ядро - определенный набор связей. Смысл, в отличие от значения, представляет собой индивидуальное значение слова, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому, если значение слова является объективным отражением системы связей и отношений, то смысл - привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации¹. Отсюда, при анализе смысла правовых категорий необходимо исходить из таких гипотетических предпосылок, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, простой сумме их значений; ситуативная обусловленность смыслов; культурно-правовые особенности формирования смысла; отношения средства и цели, когда языковые значения служат средством для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании.

Такой подход представляется вполне оправданным и в области юриспруденции, т.к. соответствует основным положениям действующего законодательства. Так, в ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» указывает, что судебной оценке подлежит «как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой». Смысл того или иного законоположения, таким образом, не существует сам по себе, но выявляется в результате истолкования, т.е. является результатом интерпретации *ad hoc*².

Юридический язык традиционно стремится к реализации принципа «одно слово - один смысл», однако теория смысла как динамического явления, имеющего логику саморазвития, показывает, что на практике этот принцип по большей мере остается неким идеалом. Причины этого очевидны: кризис мировоззрения и сопутствующие ему деструктивные процессы в современном русском языке. В юридической лексике последние находят благоприятную среду и проявляются либо в умножении внутренних смыслов, либо в создании дублетов³. Это ведет к утрате юридическим термином необходимой ему строгости, определенности, что влечет негативные последствия в правоприменительной

¹ Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 42.

² Ефремов А.В. Суды общей юрисдикции обязаны применять нормы законов с учетом их конституционно-правового смысла, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 3. С. 50-55.

³ Слободнюк С.Л. Правовая реальность, правосознание и мнимость понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 40-44.

деятельности, препятствует адекватному применению нормативных правовых актов¹, а в целом приводит к тому, что смыслом содержания и применения законов, деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей являются не права и свободы человека и гражданина, как должно быть, согласно ст. 18 Конституции РФ, а интересы государственных органов, комфортность их деятельности².

Выступая в качестве познавательного образа правовых явлений и процессов, правовые категории, представленные юридическими терминами, отражают право как таковое. В связи с этим онтологическая сторона правовых категорий заключается в отображении закономерностей государственно-правовой жизни общества в процессе осуществления предметно-теоретической деятельности, отражающей объективные свойства государства и права.

Помимо функции отображения правовых явлений, связанной с тем, что «мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий»³, правовые понятия и категории также образуют тот юридический инструментарий (категориальный аппарат юридической науки), оперируя которым познающий право и государство «проникает» в юридическую ткань, осваивает право в концептуально-понятийном выражении.

Подчеркнем, что концептуализированное знание в текстовом формате, представленное в виде юридических терминов, подчинено законам речевого воплощения, продиктованным целями и задачами коммуникации в конкретной области деятельности⁴. Поэтому в качестве концептуального фона исследования проблемы смысла правовых категорий и соответствующих им юридических терминов следует обозначить полипарадигмальный статус современных лингво-юридических теорий.

Изучение понятийного аппарата теории права и разработка метатеории правоведения затруднительны без осмысления того, какая интерпретационная нагрузка ложится на правовые категории в процессе их познания и функционирования.

¹ Мордовцева Т.В. Культурологический смысл юридической категории «традиционная религия» и ее альтернативы в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 18-21.

² 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый Пермский междунар. конгр. ученых-юристов (г. Пермь, 18-19 октября 2013 г.): избр. мат. М.: Статут, 2014.

³ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 117.

⁴ Данилевская Н.В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008. С. 89.

Рассуждая о различных оттенках смысла правовых категорий и их терминологических референтов, обратим внимание на ряд важных, по нашему мнению, обстоятельств.

Во-первых, в настоящее время правовые категории как основания теории права и государства следует рассматривать более дифференцированно, учитывая ту роль, которую играют выражаемые ими знания в правоведении. Изучение правовых категорий невозможно без учета отраслевой специфики их функционирования, анализ которой позволит придать общетеоретическим правовым исследованиям комплексный характер. Например, «общая теория права до настоящего времени не предложила отраслевым юридическим наукам сколько-нибудь удовлетворительного определения защиты субъективных прав и интересов, а также критериев формирования ее системы»¹. В зависимости от исходной точки анализа могут возникать различные семантические проекции, отождествляющие данную правовую категорию: 1) с системой мер; 2) деятельностью государственных органов либо действиями субъекта защиты; 3) системой юридических норм². При осуществлении практической правоприменительной деятельности раскрытие содержания правовой категории «защита субъективных прав и интересов» происходит на основании как общеправового, так и отраслевого толкования³.

Во-вторых, специфика предмета юридической науки состоит также в том, что элементы ее категориального аппарата, обладая универсальным семантическим потенциалом межотраслевого научного характера, могут оцениваться как в правовом, так и социальном, экономическом, лингвистическом, политическом и иных смысловых аспектах.

Исследуя различные группы правоотношений, нетрудно заметить, что совокупность общественных связей, формирующая определенный социальный институт, в то же время является предметом правового регулирования, осуществляемого посредством функционально обособленного комплекса норм права. Это позволяет в рамках права как такового обеспечить изучение определенного института, имеющего нормативное закрепление⁴. Сложность и многоаспект-

¹ Тарусина Н.Н. Основы совершенствования законодательства о защите субъективных прав и интересов // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав / под ред. В.В. Бутнева. Ярославль, 1988. С. 40.

² Муратова Д.А. Правовая природа способа защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 18.

³ На это, в частности, указывает Советский районный суд г. Орска, говоря о «защите субъективных прав, свобод и законных интересов участников публичных правоотношений посредством судебной оценки властно-управленческой деятельности субъекта публичной власти с точки зрения ее законности и (или) обоснованности» // <http://sovetsky.orb.sudrf.ru> (дата обращения 05.09.2013).

⁴ Злобин Н.Н. Налог как правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 252.

ность правовых категорий дает возможность выделить правовой, социальный, политический, идеологический и другие аспекты их изучения. Так, Н.А. Михалева, исследуя содержание правовой категории «государственная измена», указывает, что «государственная измена как основание привлечения Президента к ответственности рассматривается в политическом, а не уголовном аспекте»¹.

В-третьих, любым психическим или поведенческим актам человека (в том числе интерпретации правовых категорий) предшествует готовность совершать их адекватно данной ситуации. Оценочная реакция на какое-либо явление обусловлена не только самой ситуацией, но и внутренней, неосознаваемой предрасположенностью реагировать определенным образом². Такие установки приобретаются человеком в готовом виде из социального опыта и культуры.

Так, правовая категория «имущество», не имеющая легального определения, но играющая заметную роль в положениях Конституции РФ, в силу культурно-правовых различий по-разному понимается в отечественном и зарубежном праве. Если в российском законодательстве под имуществом в большинстве случаев предполагается понимать совокупность материальных объектов³, то иностранная юриспруденция тяготеет к максимальному расширению границ этой категории⁴. На результате процесса интерпретации в данной ситуации отразятся национальные культурно-правовые установки его субъекта. В другом случае многозначность законодательных определений нормативно установленной комплексной категории «безопасность продукции (товаров)» обуславливается спецификой сфер материального (общественного) производства. В зависимости от установок, связанных с ролью интерпретатора в правоотношении, смысл указанной категории будет связан либо с состоянием объекта (продукции), если речь идет о производителе, либо с состоянием субъекта (человека или окружающей среды), если речь идет о покупателе или заказчике. На практике такая двусмысленность возможна при применении технических регламентов требований, обеспечивающих безопасность⁵.

В-четвертых, с точки зрения науки логики правомерна ситуация, когда результаты семантического поиска, осуществляемого с учетом одной цели, мо-

¹ Михалева Н.А. Парламентские и президентские выборы в России (в вопросах и ответах). 2-е изд., изм. и доп. М.: ЮРКОМПАНИ, 2012 // СПС «Гарант».

² Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2008.

³ Новоселова Л.А. Определение объектов права собственности // Гражданин и право. 2001. № 2. С. 21-27; Лапач Л. Понятие «имущество» в российском праве и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 18-20.

⁴ Старженецкий В.В. Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004. С. 20.

⁵ Аронов И. Качество продукции и безопасность: что первично? // Стандарты и качество. 2006. № 1. С. 34.

гут оказаться неактуальными с учетом другой¹. Это несложно проследить на примере такой распространенной правовой категории, как «согласие», терминологическое обозначение которой только в тексте Гражданского кодекса РФ встречается более чем в ста пятидесяти статьях. Категория «согласие» может использоваться в целях обозначения: разрешительного волеизъявления на совершение сделки (ч.1 ст. 26 ГК РФ устанавливает, что «несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет совершают сделки, за исключением названных в пункте 2 настоящей статьи, с письменного согласия своих законных представителей - родителей, усыновителей или попечителя»), одобрения наступления правовых последствий (ч. 2 ст. 41 ГК РФ указывает на то, что «помощник может быть назначен с его согласия в письменной форме, а также с согласия в письменной форме гражданина, над которым устанавливается патронаж»), соглашения нескольких лиц (ч.1 ст. 71 ГК РФ определяет, что «управление деятельностью полного товарищества осуществляется по общему согласию всех участников»). Таким образом, в зависимости от целей использования данной правовой категории в юридическом дискурсе ее семантическое наполнение может значительно изменяться.

На основании вышесказанного представляется возможным в дальнейших исследованиях вести речь о смысле правовых категорий как о ценностно-целевой установке деятельности или феномене юридического языка и познания права.

Пренебрежение перечисленными факторами, оказывающими влияние на процесс наделения правовых категорий смысловым содержанием в целях их адекватного терминования, может существенно затруднить обеспечение логико-семантической замкнутости категориальных аппаратов научных теорий, преемственности знаний, а также ограничить возможности межнаучного синтеза.

Дальнейший всесторонний анализ разнообразия смысловых оттенков правовых категорий, фиксирующих главные закономерности права и правоприменения, является важнейшим условием развития юридической науки, ее методологической вооруженности и способности решать задачи, которые перед ней поставлены.

Вместе с тем необходимо отметить, что анализ содержания правовых категорий связан с поиском оттенков смысла юридических терминов, обеспечивающих референцию понятия в тексте. Обширная теоретическая база современных исследований в области юриспруденции и юридической лингвистики содержит множество различных научных подходов к изучению и пониманию качеств и свойств, составляющих содержание слова или термина. Открытая еще стоиками триада «означающее - означаемое - вещь», сохраняющаяся как логи-

¹ См., напр.: Гетманов А.Д. Логика: учебник. М., 2004; Ивин А.А. Логика: учебник. М., 2003.

ко-семиотический инвариант, и ее лингвистические модификации¹ не могут не учитываться при изучении языка права.

Юридический текст, изложенный на каком-либо языке, непременно становится предметом интерпретационного интереса в силу того, что составляющие его лексемы обладают собственными оттенками значения, отличающимися от общепринятого (например, слово «премия» в трудовом и гражданском праве, «залог» в гражданском и уголовно-процессуальном праве)².

В других случаях необходимость неоднократного употребления в тексте нормативного правового акта одного и того же понятия с учетом различных смысловых аспектов последнего приводит к использованию различных терминов, как это произошло в тексте Конституции РФ, где для обозначения одного государства одновременно используются термины «Российская Федерация», «Россия», «Отечество» и «Родина».

Еще римские правоведы, находясь у истоков современной юриспруденции, признавали за одной и той же лексемой латинского языка до двенадцати смысловых оттенков, зависящих от множества технико-юридических обстоятельств³. Необходимо также учесть расширение пределов интерпретационной вариативности юридической терминологии при использовании в языке отечественного права слов-латинизмов и других заимствований. Например, латинский термин «*possessio*» употреблялся в классическом римском частном праве для обозначения фактического господства лица над вещью, в отличие от юридического господства, каковым является право собственности⁴. Оттенки значения производных от него терминов «посессор» и «посессия» в русском языке могут связываться не только с фактическим господством лица над вещью, но и осуществлением содержания какого-либо права, а также с особыми видами власти над вещью (защищаемыми в особом порядке)⁵. В свою очередь, широко распространенный в юриспруденции и смежных отраслях знания термин «*poliſy*»

¹ Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Академия, 2004. С. 25.

² В качестве классического примера динамики смысловых оттенков юридического термина можно привести слово «концессия», практически изменившее свое значение за последние сто лет (от обязательств по железнодорожному строительству и восстановлению предприятий до современного понимания, закрепленного в гл. 54 ГК РФ).

³ Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистические исследования. Ч. 1. Общие положения. М.: Зерцало, 2010.

⁴ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2002. С. 599-600.

⁵ Например, в отношении владения так называемым посессионным заводом. См.: Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1989. С. 404. Посессией называли также государственное пособие. См.: Удинцев В.А. Посессионное право. Киев, 1896. С. 57. Кроме того, в некоторых случаях указанный термин может применяться для обозначения права собственности на земельный участок. См.: Малоизвестные экономические, бухгалтерские и юридические термины // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2005. №1-2 // СПС «Гарант».

не имеет однозначного перевода на русский язык, оттенки его смысла определяются контекстом¹.

Оставляя тонкости перевода лингвистам, отметим, что общепринятое значение слов является основой словоупотребления. Главным источником информации в данной сфере является различная справочная литература, что верно как для теоретической, так и практической юриспруденции. Не случайно ссылки на словари являются распространенным явлением, например, в текстах судебных решений². Важно определить отличительные смысловые оттенки слова, которые как определяют область его применения, так и определяются ею. Данная особенность наделения юридического термина смыслом соответствует общему свойству правового предписания, которое, по мнению Е.В. Васьковского, заключается в том, что «смотря по тому, в каком отделе, в какой главе, под какой рубрикой помещено данное правило, оно получает разный смысл, расширяясь или стесняясь в круге своего действия, приобретая те или иные оттенки»³.

Объясняя актуальность поиска и установления оттенков смысла некоторых цивилистических терминов, К.П. Победоносцев отмечал, что «вина происходит от недостатка должного внимания к своей обязанности и к чужому праву. Внимание получает здесь юридический смысл, и потому юристы с давнего времени обращались к анализу этого понятия и старались определить в юридическом смысле оттенки как внимания или заботливости, так и вины, от невнимания происходящей»⁴.

С течением времени возникают новые социальные явления, требующие правовой регламентации, однако проблема поиска смысла юридического термина, релевантного интерпретационной ситуации, привлекает внимание ученых-юристов по-прежнему. Так, Ю.С. Шишкина, исследуя особенности правового регулирования изменения пола (гендерного статуса), влекущего за собой правопорождающие последствия для лица, пережившего пол, успешно использует морфологический анализ семейно-правовых терминов «изменение пола», «смена пола», «перемена пола» для установления оттенков их смысла⁵.

¹ В справочной литературе слово «policy» предлагается понимать как «хитрость», «политика», «страховой полис». См.: Новый русско-английский, англо-русский словарь / Г.В. Бочарова и др. М.: Эксмо, 2002. С. 652; О'Брайен М.А. Русско-английский и англо-русский словарь. М.: АСТ, 2003. С. 239.

² Эрделевский А. Толкование договора // Российская юстиция. 1999. № 4.

³ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 200.

⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. I-III. М.: Зерцало, 2004 (по изд. 1896 г.) // СПС «Гарант».

⁵ Шишкина Ю.С. Проблема понимания категории «изменение пола» в России // Законодательство. 2012. № 8.

Разграничить направления интерпретационного функционирования юридических терминов затруднительно теоретически, на практике же они переплетены. Многие зависят не от законодательных формул, а от их восприятия правоприменителем по конкретным делам, особенно если это происходит в условиях, когда законодатель не всегда определяет границы смысловой вариативности своего же волеизъявления и составляющих его лексических элементов. Признание и единообразное понимание значения юридической терминологии является редкостью среди представителей профессиональной юридической среды. Наличие различных взглядов на интерпретацию юридического термина привносит в его смысл специфические черты, т.к. словоупотребление не представляет собой чего-либо единого и устойчивого.

Вместе с тем, при выборе исходной концептуальной схемы постановки проблемы поиска оттенков смысла юридических терминов и определения путей ее решения невозможно не учитывать того обстоятельства, что в теории права и государства выделяются общие правила использования терминологии как средства юридической техники, к которым относятся единство терминологии, использование общепринятых терминов, стабильность терминологии и т.д.¹.

В такой ситуации для изучения функциональной значимости языковых единиц может быть использован структурно-функциональный подход, для которого исследуемыми величинами оказываются языковые единицы или категории какого-либо уровня. Исследуется порядок их употребления и свойства, которые заложены в них и находят проявление в речи с точки зрения особенностей употребления их в тексте².

Исходя из этого, проследим некоторые особенности словоупотребления применительно к языковым единицам «смысл», «оттенок смысла» на примере той роли, которую они играют в тексте судебных решений и нормативных актов.

Обращаясь к анализу судебной практики, отметим, что проблема установления оттенков смысла правовых норм, положений договоров и отдельных терминов не является для нее новой³. В той или иной степени суды признают, что смысл языковых единиц или категорий не носит инвариантного характера, обладая различными оттенками. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассматривая спор о нарушении избирательных прав в связи с публикацией в газете и о компенсации морального вреда, отметила,

¹ Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 133.

² Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 13.

³ Например, об «оттенках и смысле положений договора» было упомянуто в одном из решений Девятого арбитражного апелляционного суда. См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2009 г. № 09АП-406/2009 // СПС «Гарант».

что «указание в заметке о том, что истец не работает, не имеет негативного смысла и не характеризует его с отрицательной стороны, а фиксирует лишь фактическое положение истца на момент выдвижения его кандидатуры»¹. Отсюда следует, что термин «смысл» в понимании суда может иметь, по меньшей мере, негативную или позитивную контекстуальную окраску. На это же указывал Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа в одном из своих постановлений, где речь шла об «отсутствии здравого смысла в установлении необоснованно завышенного размера арендной платы»².

Нередко суды включают в структуру своих решений достаточно подробный терминологический анализ, связанный с вариативностью оттенков смысла, как это было сделано арбитражным судом Восточно-Сибирского округа, который отметил, что «статья 452 часть 2 ГК РФ несет разный смысловой оттенок, предусматривающий неодинаковую степень выражения воли сторон на расторжение договора. В случае обращения в суд с иском законодатель употребляет термин "требование", означающий выражение намерения в категоричной, решительной форме. Для досудебного урегулирования спора достаточно предложения о расторжении договора. Из смысла данного слова следует, что "предложение о расторжении договора" означает сообщение о намерении расторгнуть договор, высказывание предположения о возможном расторжении договора»³.

В другом случае суд, рассматривая дело по иску о защите чести и достоинства и компенсации морального вреда, при исследовании текста публикации указал: «В приводимых фрагментах нет языковых единиц (слов, словосочетаний), которые отвечали бы признакам опорочения деловой репутации. Целостный смысл материала - обобщенно-проблемный, причем представленный с оттенком неуверенности. С этим целостным смыслом согласуется содержание всех составных частей текста»⁴.

Феномен оттенков смысла юридического текста и входящих в него терминов учитывается также при формировании правовых основ управления на уровне муниципальных органов власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Подпункт 2.5.18.5 Инструкции по делопроизводству, действующей на территории Ванинского района Хабаровского края, гласит: «Многословие, или "лишние слова", ослабляют действенность документа, делают его менее доступным для читателя. "Лишнее слово" - слово, употребле-

¹ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2000 г. № 48-Г00-11 // СПС «Гарант».

² Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 марта 2013 г. № Ф08-1015/13 по делу № А53-18144/2011 // СПС «Гарант».

³ Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 марта 1996 г. № 4/9 // СПС «Гарант».

⁴ Кассационное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 12 января 2012 г. по делу № 33-626/2012 // СПС «Гарант».

ние которого не находит оправдания и без которого текст ничего не теряет ни в смысле, ни в оттенке смысла»¹. Аналогичное положение закреплено на уровне субъекта Федерации – Хабаровского края².

Итак, результаты предварительного использования как когнитивных методов юридической науки, так и научного инструментария юридически ориентированного языкознания позволяют утверждать, что феномен оттенков смысла юридических терминов нуждается в дальнейшем познании, т.к. не имеет всестороннего семасиологического отражения и, следовательно, представляет собой диалектическую проблему³. Необходимыми шагами на пути снятия затруднений, связанных с выявленной проблемной ситуацией, должны стать доопределение и последовательное уточнение ее условий⁴, которые связаны с различием индикативной и номинативной функций слова, с одной стороны, и его сигнификативной функции, с другой. Можно предположить, что дальнейшие исследования обозначенной проблемы позволят с большей степенью уверенности утверждать, что юридический термин оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости.

Безусловно, необходимо опираться на господствующую (или преобладающую) в современной отечественной юридической науке точку зрения и избегать излишне субъективных оценок значения термина⁵, но «это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла»⁶.

§ 2. Семантические особенности публично-правовой терминологии

Свойственная всем отраслям научного знания потребность в классификации и унификации терминологической лексики, анализе лингвистических проблем терминологии, выявлении особенностей терминопроизводства в каждой конкретной области знания порождает «необходимость углубленного изучения

¹ Инструкция по делопроизводству (утв. постановлением главы Ванинского муниципального района Хабаровского края от 10 февраля 2009 г. № 61 // СПС «Гарант».

² Распоряжение губернатора Хабаровского края от 15 ноября 2013 г. № 610-р «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в аппарате губернатора и правительства Хабаровского края» // СПС «Гарант».

³ Аристотель. Топика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 369.

⁴ Спиридонов В.Ф. Психология мышления: решение задач и проблем. М.: Генезис, 2006. С. 42.

⁵ Энциклопедический юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 5-6.

⁶ Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 498.

и дальнейшей разработки методологических аспектов построения терминологии»¹.

Упорядочение массива терминов по разным параметрам необходимо по причине того, что термины являются не только эффективным когнитивным инструментом, но и идеальным средством структурирования научного знания, их использование также способствует организованному хранению научной информации².

Вместе с тем, попытки классификации юридической терминологии в некоторых случаях сталкиваются с определенными трудностями, связанными с разнообразием палитры доктринальных мнений по данному вопросу. В основе классификации юридической терминологии лежит деление идеальных представлений о праве на частноправовые определения в публично-правовой понятийный аппарат³, которое позволяет в юридической литературе вести речь о «частноправовой терминологии»⁴ и «терминологическом обозначении в публично-правовых отраслях»⁵. Однако подобная классификация не исключает того, что «термины гражданского права, закрепленные в нормах налогового права, следует рассматривать одновременно как термины налогового и гражданского права, имеющие одинаковое содержание. Таковы понятия "юридическое лицо", "физическое лицо" и др., которые в равной мере отражают явления, присущие природе как налогового, так и гражданского права»⁶. Существует и обратная тенденция. Исследуя особенности употребления термина «публичный порядок», Р.А. Касьянов отмечает, что «традиционным для советского права было употребление данного термина именно в гражданско-правовой сфере»⁷.

¹ Кулебакин В.С., Климовицкий А.Я. Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 15.

² Горшкова Т.М., Русова Н.Ю., Ручина Л.И. Структура терминологических словарей и возможности их представления в базах данных машинного фонда русского языка // Третья Всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка: тезисы докладов. М., 1989. Ч. 2. С. 68-71.

³ Минашкин А.В. Подведомственность арбитражным судам экономических споров и других дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений: проблемы соотношения норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Романовская О.В. Совет муниципальных образований - юридическое лицо публичного права // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 5-9; Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2013.

⁵ Барзилова И.С. Понятие и юридическая природа правовых режимов // Lex russica. 2013. № 11. С. 1169-1175.

⁶ Карасева (Сенцова) М.В. Термины гражданского права в налоговом законодательстве и правоприменении // Закон. 2013. № 6. С. 123-130.

⁷ Касьянов Р.А. Понятие публичного порядка в правовых системах государств (на примере России и Франции) // Цивилист. 2013. № 4. С. 23-33.

Отдельные авторы классифицируют не терминологию, а характер ее употребления. Так, Л.Г. Ефимова ведет речь об употреблении термина «банковские операции» в узком публично-правовом смысле¹, а В. Протащик указывает на то, что «институты, понятия и термины гражданского законодательства, используемые в НК РФ, если им не предусмотрено иное, применяются в том же значении, в каком они используются в гражданском законодательстве»². Другие авторы обращают внимание на межтерминологические связи, которые, по их мнению, придают частноправовой или публично-правовой характер нормам права. В частности, Т.Г. Иванова отмечает, что «если связать термин "намывная территория" с земельным участком, то использование такой фикции сведет деятельность к созданию только объекта недвижимости. В таком случае нормы будут иметь гражданско-правовой характер»³.

А.Л. Кононов вполне обоснованно исходит из того, что в современном понимании определение термина «публичный» чрезвычайно широко, что приводит к абсолютно размытому пониманию термина и к стиранию границ частноправового и публично-правового регулирования⁴. Л.А. Лунц также считал наделение юридических терминов частноправовыми или публично-правовыми свойствами весьма условным⁵.

Для удобства изложения материала в настоящей работе, а также опираясь на исторически укоренившееся деление права при его изучении на *jus publicum* и *jus privatum*⁶, исследуя семантические особенности юридической терминологии, мы условно разделяем ее соответственно на публично-правовую и частноправовую. Такое деление носит преимущественно технический характер и применяется нами для оптимизации когнитивного процесса.

Кроме того, в рамках настоящей работы невозможно рассмотреть весь объем юридической лексики, в связи с этим анализу будут подвергнуты отдельные терминологические единицы, а значит, исследование неизбежно приобретет интуитивно-индукционный характер. В основу изучения семантических особенностей частноправовой и публично-правовой терминологии будет положено осуществление мыслительного процесса, посредством которого из некоторого множества случаев выделяется общее свойство или отношение и

¹ Ефимова Л.Г. Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. С. 48.

² Протащик В. Оплата предъявленного НДС: обязанность или обязательство // Финансовая газета. Регион. вып. 2007. № 33.

³ Иванова Т.Г. Земельные участки намывных территорий: эколого-правовые вопросы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 8. С. 83-88.

⁴ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

⁵ Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. М., 1973. С. 42.

⁶ Дигесты Юстиниана. С. 23.

отождествляется с каждым отдельным случаем. Известны многочисленные примеры подобного рода индукции, применяемой как в обыденной жизни, так и в научной практике¹. Мы имеем дело не с рассуждением, которое разлагалось бы на посылки и заключения, а с восприятием общих свойств юридической терминологии непосредственно. Интуитивная способность интерпретации как разновидность чувственного восприятия позволяет в процессе поиска за условными знаками, формальными характеристиками видеть, пусть такие же условные и неясные, но реальные, содержательные взаимосвязи, необходимость выбора какого-то определенного из них, в большей мере соответствующего задаче поиска.

Главными отличительными признаками индукции являются: 1) лежащая на основе ее априорная предпосылка единообразия природы. Без этой предпосылки индукция невозможна; 2) вероятностный характер вывода².

Такая индукция важна в научном познании, но она не является предметом формальной логики, а изучается теорией познания и психологией творчества, когда искомый факт фигурирует для нас как некий искусственный или естественный сигнал, позволяющий дать быструю и сжатую оценку. «Это именно то, - подчеркивает М. Бунге, - что мы делаем всякий раз, формулируя впечатление о ком-нибудь на основании единственной встречи»³.

Итак, обращаясь в рамках настоящего исследования к сфере публичного права отметим, что одной из центральных стратегически значимых для развития страны задач, решение которой, относится прежде всего к сфере публично-правового регулирования, является обеспечение национальной безопасности. Для ее решения требуются соответствующие силы, средства и ресурсы, специальные структуры, управленческие кадры и специалисты-профессионалы, деятельность которых требует надлежащего организационного и правового обеспечения.

Вопросы национальной безопасности регулируются комплексом нормативных правовых актов и стратегических программных документов, среди которых можно назвать Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон «О безопасности», Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Военную доктрину Российской Федерации, Доктрину информационной безопасности Российской Федерации и другие государственные нормативные правовые документы.

Подвергая анализу терминологию российского законодательства о безопасности, необходимо учитывать, что нормативные правовые акты, действующие

¹ Пойа Д.Н. Математика и правдоподобные рассуждения. М.: ИЛ, 1957.

² Лапшин И.И.. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии // http://society.polbu.ru/lapshin_inventionphilo/ch41_i.html

³ Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1962. С. 100.

щие в любом государстве, согласованы между собой и образуют определенную систему. Эту систему нередко называют системой законодательства¹. В нашем случае интерес представляют терминологические единицы, встречающиеся в тексте различных по своему регулятивному потенциалу документах. Кроме того, политико-правовыми источниками концептуальных обобщений и последующих практических действий по обеспечению национальной безопасности являются также ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию, его выступления по важнейшим проблемам внутренней и внешней политики страны².

Правовое регулирование выступает в качестве единого механизма, включающего систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения: правовые нормы, правовые отношения, правовую ответственность, правовое сознание, юридические факты и акты применения права, акты реализации прав и обязанностей и др. Механизм правового регулирования приводится в действие при помощи конкретных методов правового регулирования, выбор которых зависит в каждом конкретном случае от цели правового регулирования³. Учитывая это, законодатель отнес к предмету регулирования Федерального закона «О безопасности» широкий круг вопросов. Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета безопасности Российской Федерации⁴. Нетрудно заметить, что термины «безопасность» и «национальная безопасность» используются как равнозначные.

Вместе с тем, действующая редакция данного закона не раскрывает значения основных терминов, что не способствует формированию правового терминологического пространства, в рамках которого происходит установление объектно-предметных отношений, на которые будет распространять свое действие законодательство о безопасности⁵.

¹ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2012. С. 267.

² Кортунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М., 2007. С. 21.

³ Хропанюк В.Н. Теория государства и права // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Hrop/index.php.

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁵ Белокрылова Е.А. Комментарий к Закону РФ «О безопасности». М.: Юстицинформ, 2008.

Одновременно с реализацией государственной политики в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, адекватной внутренним и внешним условиям, происходит существенное расширение представлений о межотраслевой правовой категории «безопасность» как в отношении объектов посягательства, так и в отношении источников опасности, что влечет неизбежные терминологические последствия.

Интерпретационный потенциал таких единиц юридического языка, как «национальная безопасность» и «безопасность», различен, что может привести к вариативности понимания их семантики.

«Национальная безопасность» связывается с «состоянием защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹. Вместе с тем термин «безопасность», например, применительно к пищевым продуктам понимается как «состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений»². Налицо интерпретационная дивергенция значений указанных терминов, закрепленная законодательно. В связи с этим, представляется разумным изменение редакции ст. 1 Федерального закона «О безопасности», направленное на сужение пространства смысловой вариативности при употреблении терминов «национальная безопасность» и «безопасность» как в данном, так и в других нормативных правовых актах.

Нередко в различных нормативных правовых актах и иных документах вместе с термином «национальная безопасность» употребляется термин «национальные интересы Российской Федерации»³. Действительно, основное содержание обеспечения национальной безопасности состоит в поддержании правовых и институциональных механизмов, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации. Но, к сожалению, однозначное понимание значения термина «национальные интересы Российской Федерации» у авторов различных государственных документов отсутствует. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года национальные интересы Рос-

¹ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

² Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

³ Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

сийской Федерации понимаются как «совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства», т.е. связываются по смыслу с категорией «потребности». В то же время авторы Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации определяют национальные интересы России как «комплекс макроэкономических и макрополитических задач государства»¹. В другом случае, говоря о национальных интересах Российской Федерации в информационной сфере, имеют в виду «создание условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры»². Таким образом, интерпретационная вариативность исследуемого термина отличается крайней широтой в связи с тем, что, определяя сущность и значение национально-государственных интересов, трудно обнаружить вид деятельности, социально-правовое явление либо доктринальную категорию, которые не имели бы ни малейшего отношения к национальным интересам России.

Сложившаяся языковая ситуация, связанная с употреблением термина «национальные интересы Российской Федерации», требует использования приемов юридической техники и всестороннего правового анализа, которые могут привести, например, к отказу от дальнейшего его использования в связи с более частым употреблением термина «интересы национальной безопасности», который успешно применяется в международно-правовой³ и судебной практике⁴.

Отметим также, что за рубежом в документах, регулирующих обеспечение национальной безопасности, подробно раскрывается смысл и значение элементов используемого терминологического аппарата⁵.

В настоящее время специалисты, разрабатывающие стандарты безопасности, значительное внимание уделяют гармонизации основополагающих нормативов, включающих в себя фундаментальные концепции, принципы и требования, относящиеся к основным аспектам безопасности и применяемые в раз-

¹ Указ Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3356.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Парламентская газета. 2000. 30 сентября.

³ Статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2.

⁴ Обзор законодательства и судебной практики Ивановского областного суда за 4 квартал 2010 г. (утв. постановлением Президиума Ивановского областного суда от 28 января 2011 г.) // <http://www.oblsud.ivanovo.ru>.

⁵ Например, в Стратегии безопасности Соединенных Штатов Америки говорится о значении терминов «американцы», «территория», «интересы выживания» и т.д. // http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

личных областях¹. Это связано с расширением диапазона рисков и угроз безопасности от сферы межгосударственных и политических процессов до отношений по реализации и потреблению различных видов товаров и услуг².

В сложившейся ситуации научная работа по совершенствованию терминологии российского законодательства о национальной безопасности и ее точная, современная и гибкая интерпретация должны, с одной стороны, обеспечить дальнейшую интеграцию России в международное правовое пространство, но и, с другой стороны, не позволить размывать российский государственный суверенитет и российские национальные интересы чужими интересами и правовым хаосом, примитивизировать и лишит культурной специфики терминологический аппарат отечественного законодательства о национальной безопасности.

Одной из важных публично-правовых сфер обеспечения безопасности личности, общества и государства является осуществление оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Российское законодательство, регулирующие оперативно-розыскную деятельность, предусматривает использование в ходе ее проведения различных приемов, способов, а также технических средств, не наносящих ущерб жизни и здоровью людей и не причиняющих вред окружающей среде. Задачи по организации и проведению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) все чаще решаются при помощи специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями из самых различных культурно-информационных областей, а также отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе.

Результат отдельного оперативно-розыскного мероприятия, как и совокупность таких результатов в целом, составляют результаты оперативно-розыскной деятельности³, использование которых регламентируется ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливающей, что «результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведе-

¹ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 51897-2011/ Руководство ИСО 73:2009 «Менеджмент риска. Термины и определения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16 ноября 2011 г. № 548-ст) идентичен международному документу Руководство ИСО 73:2009 «Менеджмент риска. Словарь. Руководство по использованию в стандартах» (ISO Guide 73:2009 «Risk management - Vocabulary - Guidelines for use in standards»).

² Так, компания «Apple» отзывала в 2009 г. плееры iPod nano 1G из-за опасности взрывов аккумуляторной батареи (<http://proit.com.ua/print/?id=20223>), а McDonald's в 2010 г. отзывал в США 12 млн коллекционных стаканов с символикой мультфильма «Шрек» из-за того, что в краске, которой они окрашены, был обнаружен кадмий. URL: www.gazeta.ru/news/lenta/.../n_1503285.shtml.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009.

ния оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации, для принятия решений о достоверности представленных государственным или муниципальным служащим либо гражданином, претендующим на должность судьи, предусмотренных федеральными законами сведений»¹. Статья 89 УПК РФ также посвящена использованию в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности в части установления запрета использования результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Таким образом, результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства при условии, что вовлекаемые в уголовный процесс оперативно-розыскные сведения, как и любое доказательство, должны обладать свойствами относимости и допустимости².

Пункт 36.1 ст. 5 УПК РФ содержит определение понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности», под которыми понимаются сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Отражаются такие сведения в оперативно-служебных документах (рапорты, справки, справки-меморандумы, сводки, отчеты, акты). Результаты ОРД могут быть зафиксированы также на материальных (физических) носителях информации. К оперативно-служебным документам могут прилагаться предметы и документы, полученные при проведении ОРМ.

Однако, по смыслу п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, результатами ОРД являются сведения, которые отражены в оперативных документах, но не сами эти документарные источники, следовательно, сами документы и предметы не являются результатами ОРД, поскольку отражают лишь информацию, полученную субъектом ОРМ, и фиксируют итог его действий. Таким образом, законодатель установил границу интерпретационной вариативности термина «результаты оперативно-розыскной деятельности», атрибутировав их не столько как докумен-

¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 8-е изд., перераб. // СПС «Гарант», 2012.

тальные носители информации, сколько как источники информации и (или) факты, которые могут быть подтверждены процессуально.

В то же время отдельными учеными высказывается обоснованное, на наш взгляд, мнение, что «материалы, полученные в результате использования современных научно-технических средств, могут выступать в уголовном процессе как документы, как вещественные доказательства и как самостоятельный источник доказательств - в зависимости от совокупности характерных признаков...»¹. Очевидной, таким образом, становится дивергенция результатов интерпретации исследуемого понятия в доктрине и уголовно-процессуальном законе, а возникающая при этом многозначность его употребления порождает определенные трудности когнитивного характера. Поэтому, не желая перегружать анализ мелкими деталями, ограничимся рассмотрением взглядов и формулировок, связанных с содержанием легальной дефиниции понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» и преимущественно используемых в юридическом обиходе.

Сбор доказательств, понимаемый большинством процессуалистов как поиск, обнаружение, получение могущих иметь отношение к уголовному делу сведений, а также закрепление их в предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ источниках или же какая-либо часть указанных действий², часто затруднителен без оперативно-розыскного сопровождения. В связи с этим интересна позиция разработчиков Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд³.

Во-первых, авторы указанного документа отнесли к потенциальным доказательствам «полученные (выполненные) при проведении ОРМ фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, акты, справки, другие документы, а также иные материальные объекты, которые

¹ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 151.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. М.: Книга-Сервис, 2003. С. 358; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М.: Юрайт-Издат, 2004. С. 274; Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Велби; Проспект, 2004. С. 141.

³ Приказ МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ и Минобороны РФ от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. 2007.16 мая. Приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР РФ, ФСИН России, ФСКН России и Минобороны РФ от 27 сентября 2013 г. № 775/508/508/1819/43/534/388/702 настоящий приказ признан утратившим силу.

в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами» (п. 17), указав на то, что результаты ОРД могут иметь документарную и вещественную форму.

Во-вторых, по сравнению с УПК РФ, интерпретация понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» осуществлена в данном документе при значительном расширении границ экстенционала множества, которое этим понятием обозначается. Так, к результатам оперативно-розыскной деятельности были отнесены «достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут стать вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» (п. 19) и «сведения о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; о лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; о возможных источниках доказательств; о местонахождении предметов, перечисленных в части 1 статьи 81 УПК РФ; о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу» (п. 20).

В то же время обращает на себя внимание значительно более сдержанная позиция Конституционного Суда РФ, который в своем определении от 4 февраля 1999 г. № 18-О отметил, что результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ст. 49 (ч. 1) и 50 (ч. 2) Конституции РФ¹.

Направление вектора интерпретационного функционирования понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности», нашедшего закрепление в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, неоднозначно также в силу того, что его дефиниция носит матрикулярный характер т.е. перечисляет виды соответствующих сведений и не содержит указаний, определяющих особенности их использования.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

Вместе с тем, как отметил судья Конституционного суда РФ А.Л. Конов, выражая свое особое мнение по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе И.Г.Черновой, «в соответствии с частями 2 и 3 статьи 11 и аналогичными положениями части 4 статьи 12 Закона результаты оперативно-розыскной деятельности лишь могут, а не должны представляться органу дознания, следователю или в суд как повод и основание для возбуждения уголовного дела, а также для использования в доказывании по уголовным делам»¹. В некоторых случаях это может стать причиной оставления в неведении лиц, в отношении которых собиралась информация об их причастности к совершению преступления, о самих фактах государственного вмешательства в осуществление их прав и свобод. Эти лица лишаются возможности защиты своих прав и интересов, оставаясь в подозрении неопределенно долгий срок, если оперативный орган по иным причинам не счел необходимым передачу материалов для вынесения процессуального решения. В такой ситуации неограниченное усмотрение в вопросах прекращения дела и передачи материалов для процессуального решения находится в противоречии с принципом законности, а также с целями и объемом допускаемых Конституцией РФ ограничений прав и свобод.

К сожалению, обозначенная проблема остается за границами интерпретационного функционирования такой единицы юридического языка, как «результаты оперативно-розыскной деятельности».

Оперативно-розыскная деятельность осуществляется за пределами уголовного процесса, вне уголовно-процессуальных отношений, но направлена на получение информации, используемой при принятии решений процессуального характера, чем обусловлено ее процессуальное значение и официальное использование в уголовном процессе. Однако номинативное отражение природы данной информации отличается некоторой несогласованностью. Помимо закрепленного в российском законодательстве термина «результаты оперативно-розыскной деятельности» в юридической науке и нормотворческой практике используются схожие единицы юридического языка – «материалы, полученные оперативно-розыскным путем» и «материалы оперативно-розыскной деятельности»². Семантическое соотношение указанных терминов на сегодняшний

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г.Черновой // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 6.

² Статьи 142, 256 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств - участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информ. бюл. Межпарл. Ассамблеи государств - участников СНГ. 1996. № 10.

день не является предметом ни законодательной практики, ни серьезных доктринальных разработок.

Анализ представленной в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ дефиниции дает возможность заключить, что интерпретационное функционирование термина «результаты оперативно-розыскной деятельности» имеет ряд аспектов. В частности, наблюдается расхождение результатов легальной и доктринальной интерпретации указанного термина, происходящее на фоне различий в понимании смысла исследуемого термина в рамках ведомственного нормотворчества, уголовно-процессуального закона и судебной практики. Сложившаяся ситуация порождает ряд проблем теоретического и практического характера.

Во-первых, если учесть, что каждое понятие, являясь результатом акта теоретического познания, показывает, как отражаемое явление реализует себя в действительности, вскрывает его сущность, отграничивает от других объектов, то выработка его определения становится сложным, длящимся процессом, нередко ведущим к множественности дефиниций¹.

Во-вторых, представленные законодателем правовые дефиниции нередко употребляются в текстах нормативных правовых актов, пределы действия которых не всегда установлены², что проявляется в отсутствии в дефиниции понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» указания на необходимость их представления в суд. Такая ситуация не позволяет определить границы области судебного контроля.

Не способствует смысловой однородности терминологии отсутствие нормативного отграничения исследуемого понятия от смежных единиц юридического языка, таких как «материалы, полученные оперативно-розыскным путем» и «материалы оперативно-розыскной деятельности». Исследуемый термин, безусловно, является элементом терминологического поля законодательства, регулирующего оборот сведений, полученных в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», но не имеет семантической связи с элементами его терминологической системы.

Учитывая то, что при толковании выясняется принципиальное содержание правовых предписаний, вложенное законодателем³, не представляется возможным вести речь об однозначной интерпретации термина «результаты оперативно-розыскной деятельности», объективно необходимой для реализации

¹ Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: мат. междунар. «круглого стола» / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007. С. 32.

² Магомедов С.К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 28.

³ См.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 327, 346.

регулирующих положений уголовно-процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Ключевым аспектом комплексного правового регулирования деятельности правоохранительных органов по охране правопорядка и обеспечению режима законности является создание законодательной основы для предотвращения ситуаций, при которых личная заинтересованность государственного служащего может повлиять на качество выполнения им служебных обязанностей. Реализация превентивных мер в отношении проявлений коррупции, имеющих пограничный с правонарушением характер, часто связана с институтом конфликта интересов, а также с термином, его обозначающим. Это обусловлено разнообразием форм проявления конфликта интересов в зависимости от реализуемых полномочий, возникающих правоотношений, межличностных связей, а также тем, что конфликт интересов в настоящее время представляет собой явление, обладающее как правовыми, так и моральными аспектами, связанное с обеспечением управления и безопасности не только в сфере публичных, но и частных правоотношений, что нашло подтверждение в деятельности Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, который, анализируя отдельные хозяйственные споры, неоднократно указывал на необходимость соблюдения юридическими лицами и их участниками определенного порядка совершения сделок в случае возникновения конфликта интересов¹.

Сущностные особенности, определяющие место и роль института конфликта интересов в системе противодействия коррупции, неизменно привлекают внимание исследователей² и государственных органов. Оценка конфликта интересов при этом не всегда приводит к наделению данного понятия одинаковым содержанием. Так, Министерство труда и социальной защиты РФ в п.2 разд. II Информации от 4 марта 2013 г.³ обращает внимание на необходимость «указать служащим и работникам на то, что в целом ряде случаев совершение ими определенных действий не только приводит к возникновению конфликта интересов, но и может восприниматься окружающими как согласие принять

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 18439/10 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., напр.: Лобанов П.А. Управление конфликтами в государственной гражданской службе Российской Федерации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009; Попова О.В. Регулирование социальных конфликтов государственной гражданской службой: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006; Щеколдин С.Ю. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011 и др.

³ Обзор рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки: инф. Мин-ва труда и социальной защиты РФ от 4 марта 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

взятку». Тем самым практически нивелируется граница между возникновением конфликта интересов и проявлением коррупционного поведения, однако доктринальные подходы к сущности конфликта интересов основаны на иной точке зрения. Как отмечает О.Н. Костюк, «конфликт интересов сам по себе не предполагает автоматически противоправного поведения соответствующего должностного лица. Необходимы дополнительные признаки, свидетельствующие о противоправности его поведения в рамках такого конфликта, поскольку даже при наличии формального конфликта интересов должностное лицо все равно может действовать в интересах организации, в которой он проходит службу (работает)»¹. Внутренний моральный конфликт не может возникнуть и существовать вне психической деятельности человека и не может быть устранен при помощи правовой нормы. Возможно лишь установление правил поведения при конфликте, обеспечивающих воздействие на поведение субъекта, подверженному внутреннему конфликту². О.Н. Сыродоева считает, что «противоречие интересов само по себе не является преступлением или правонарушением... В противоположность широкому пониманию, иметь противоречие интересов - это не значит быть в этом «виноватым», это просто состояние дел»³.

Представляется, что необоснованное расширение или сужение границ множества морально-правовых феноменов, соответствующих понятию «конфликт интересов», потенциально несет некую угрозу для личности, замещающей должность государственного (муниципального) служащего. Применение на практике норм, регламентирующих институт конфликта интересов, угрожает безопасности личности в части несправедливого отстранения от занимаемой должности со всеми вытекающими последствиями, включая моральное осуждение со стороны членов коллектива государственного органа, представителей средств массовой информации, общества.

Некоторая юридическая неопределенность понятия «конфликт интересов», предусмотренного российским законодательством, вызывает необходимость не только четко раскрыть, в чем она заключается, но также продемонстрировать особенности номинации исследуемого явления в праве⁴. Дефиниции конфликта интересов, сформулированные в различных законодательных актах, не отличаются однозначностью. В связи с этим определенный исследователь-

¹ Костюк О.Н. Правовые средства разрешения конфликта интересов на государственной службе в Министерстве обороны Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9-10.

² Филиппова С.Ю. Корпоративный конфликт: возможности правового воздействия. М., 2009. С. 64.

³ Сыродоева О.Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М., 1996. С. 62-63.

⁴ Казанцев Н.М. Конфликты интересов на государственной гражданской службе и порядок их урегулирования. М., 2010. С. 363.

ский интерес вызывает интерпретационное функционирование термина «конфликт интересов». Следует отметить, что указанный аспект научного анализа выпадает из поля зрения отечественных представителей науки. Попытаемся восполнить этот пробел, проанализировав термин «конфликт интересов» в целях исследования норм федеральных законов, где он используется.

Действующее российское законодательство содержит нормы, направленные на преодоление конфликта интересов. Одно из наиболее распространенных определений, раскрывающих суть этого феномена, связывает его содержание с ситуацией, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации¹.

В части 1 ст. 14.1 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»² «под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) муниципального служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью муниципального служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования».

Представленные определения конфликта интересов существенно не отличаются друг от друга и связывают конфликт интересов с наличием двух обстоятельств: личной заинтересованности, которая влияет или может повлиять на объективное исполнение должностных обязанностей, и существующим либо потенциальным противоречием между личной заинтересованностью и законными интересами иных субъектов правоотношений. Такой подход в целом соответствует пониманию конфликта интересов в доктрине отечественного права, т.к. указывает на «рассогласование интересов и обострение противоречий... ввиду несовпадения целей»³.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 19) // СПС «КонсультантПлюс».

² СПС «КонсультантПлюс».

³ Батаева Б.С. Корпоративное управление: направления совершенствования. М., 2002. С. 80.

В то же время, оперируя термином «конфликт интересов» в отношении некоммерческих организаций, законодатель, не раскрывая его содержания, лишь указывает, что «заинтересованность в совершении некоммерческой организацией тех или иных действий, в том числе в совершении сделок, влечет за собой конфликт интересов заинтересованных лиц и некоммерческой организации»¹. При этом остается не до конца ясным, возникнет ли конфликт интересов у лица, не заинтересованного в совершении некоммерческой организацией тех или иных действий, в том числе в совершении сделок, а, например, «погрязшего» в кумовстве. Следует также заметить, что в ст. 16 Федерального закона «О кредитной кооперации»² угроза возникновения конфликта интересов вообще связывается с совершением кредитным кооперативом только сделок.

Такие различия в подходах законодателя к выделению особенностей конфликта интересов могли бы найти объяснения в различиях публично-правовых и частноправовых составляющих отношений с участием государственных и муниципальных служащих и отношений в сфере кредитной кооперации. Однако статья 32 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»³, имеющая лаконичное название «Конфликт интересов», определяет меры по недопущению возникновения конфликта интересов как в отношении должностных лиц уполномоченного федерального органа, так и в отношении должностных лиц управляющих компаний и в отношении служащих Центрального банка Российской Федерации. Такая ситуация свидетельствует о необходимости единообразия правового воздействия на конфликт интересов и однообразия его номинации и интерпретации.

Кроме того, в качестве участника развития конфликта интересов в законодательстве упоминается «фактический представитель»⁴ должностного лица - фигура достаточно неопределенная, не имеющая точной легальной характеристики, что затрудняет выполнение задачи по определению участников складывающейся конфликтной ситуации.

Обязательным условием возникновения конфликта интересов в соответствии с российским законодательством является личная заинтересованность

¹ Статья 27 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Статья 35 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации»; статья 36.24 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» // СПС «Консультант Плюс».

лица, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей. Авторы Федерального закона «О противодействии коррупции»¹ под такой заинтересованностью понимают «возможность получения государственным или муниципальным служащим при исполнении должностных (служебных) обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц».

Подобный подход обусловлен содержанием конвенционных антикоррупционных норм. В соответствии со ст. 20 Конвенции ООН против коррупции государства-участники имеют возможность признания в качестве противоправного деяния умышленное незаконное обогащение, под которым понимается значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать². Несмотря на указанное соответствие международно-правых и национальных подходов к вопросам понимания конфликта интересов как терминологического элемента антикоррупционного законодательства, не представляется возможным констатировать наличие законодательных предпосылок для его однозначной интерпретации. По нашему мнению, в некоторых случаях законодатель бесосновательно расширяет (до неопределенности) круг выгод, порождающих конфликт интересов. Так, в ч. 1 ст. 75 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ конфликт интересов определяется как «ситуация, при которой у медицинского работника или фармацевтического работника при осуществлении ими профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении лично либо через представителя компании материальной выгоды или иного преимущества, которое влияет или может повлиять на надлежащее исполнение ими профессиональных обязанностей вследствие противоречия между личной заинтересованностью медицинского работника или фармацевтического работника и интересами пациента». В данном случае очевидна содержательная неопределенность используемого законодателем термина «иное преимущество».

Конфликту интересов в органах внутренних дел посвящена статья 71 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В указанной статье под этим видом конфликта предлагается понимать си-

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 8 апреля 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

туацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) сотрудника органов внутренних дел влияет или может повлиять на объективное выполнение им служебных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью сотрудника и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства.

Под личной заинтересованностью сотрудника органов внутренних дел, которая влияет или может повлиять на объективное выполнение им служебных обязанностей, понимается возможность получения сотрудником в связи с выполнением служебных обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества, в том числе имущественных прав или услуг имущественного характера, для себя или для третьих лиц¹.

Подобная законодательная интерпретация термина «личная заинтересованность», определяющая понимание значения термина «конфликт интересов» применительно к службе в органах внутренних дел, позволяет констатировать более высокую степень ее соответствия международно-правовым документам антикоррупционной направленности по сравнению с другими федеральными законами.

Вместе с тем необходимо отметить следующее. В статье 30.1 Федерального закона «О полиции»² говорится, что несоблюдение сотрудником полиции требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов может повлечь наложение на него взыскания, предусмотренного федеральным законом, определяющим порядок и условия прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел. В данном случае правовая оценка действий либо бездействия сотрудника органов внутренних дел по предотвращению конфликта интересов связана с предконфликтным периодом, когда сам конфликт отсутствует. Такой подход законодателя соответствует современному доктринальному пониманию конфликта в целом, и отдельных видов конфликтов в частности. Так, по мнению А.П. Деткова, анализ конфликта должен начинаться с предконфликтной стадии, предшествующей конфликту, на которой происходит осознание побудительных мотивов (целей, интересов) субъектом конфликта³.

При анализе конфликта интересов активная профессиональная деятельность юриста должна быть направлена не только на понимание сложившейся

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

² Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Детков А.П. Юридический конфликт // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 64-70.

конфликтной, но и предконфликтной ситуации¹. Ряд авторов при анализе обстоятельств социального взаимодействия людей, которые привели к столкновению интересов, используют более широкий в содержательном отношении термин - предконфликтная обстановка².

Термин «предконфликтная ситуация» находит свое применение в нормативных правовых актах, определяющих комплекс мер по недопущению возникновения конфликта интересов в отношении должностных лиц федеральных органов исполнительной власти³, где раскрывается его значение и приводятся соответствующие примеры.

К сожалению, в тексте норм правовых актов, предусматривающих меры по борьбе с коррупцией в органах внутренних дел, термин «предконфликтная ситуация» отсутствует, что, в свою очередь, затрудняет интерпретационно-терминологическое функционирование ст. 71 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» по следующим причинам: несмотря на наличие оснований для дивергенции содержания терминов «конфликт интересов» и «предконфликтная ситуация», нередко имеет место перенос значения одного понятия в другое, что влечет потерю понятийного и терминологического единства в праве.

На практике лингво-юридическая позиция законодателя, связанная с отказом от использования термина «предконфликтная ситуация», приводит к тому, что констатация конфликта интересов на службе в органах внутренних дел, возникшего у сотрудника, происходит уже после неоднократных изобличающих его заключений подразделений собственной безопасности⁴ либо вообще после возбуждения в отношении сотрудника уголовного дела⁵.

¹ Галоганов А.П. Правовой статус адвокатуры: российская законодательная модель и конституционные принципы обеспечения прав человека. М., 2011.

² См., напр.: Ефимцева Т.В., Мельникова Е.А. Конфликт интересов при осуществлении посреднической деятельности на рынке ценных бумаг. М., 2014.

³ Постановление Правительства РФ от 2 марта 2006 г. № 113 «Об утверждении Положения об установлении мер по недопущению возникновения конфликта интересов в отношении должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, вовлеченных в процесс регулирования, контроля и надзора в сфере обязательного пенсионного страхования, должностных лиц Пенсионного фонда Российской Федерации и членов Общественного совета по инвестированию средств пенсионных накоплений»; Постановление Правительства РФ от 7 ноября 2005 г. № 656 «Об утверждении Положения об установлении мер по недопущению возникновения конфликта интересов в сфере накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2013 г. № 11-АПГ13-4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2013 г. № 57-АПГ13-3 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, в настоящее время соответствие значения термина «конфликт интересов на службе в органах внутренних дел» международно-правовому и национально-правовому пониманию термина «конфликт интересов» не вызывает сомнений. Однако законодателем использованы не все средства юридического языка для сужения пространства интерпретационной вариативности анализируемой терминологической единицы.

Дальнейшее изучение интерпретационного аспекта нормативного правового регулирования деятельности по предотвращению и пресечению конфликта интересов на службе в органах внутренних дел позволит обеспечить эффективную реализацию законодательных предписаний на приоритетных направлениях формирования качественного кадрового состава органов внутренних дел, совершенствования профессиональных качеств сотрудников, эффективности профессиональной служебной деятельности.

Подводя итоги семантического анализа особенностей публично-правовой терминологии российского законодательства, следует отметить достаточно высокий уровень ее семантического соответствия международному и зарубежному национально-правовому пониманию юридической терминологии. Вместе с тем не представляется возможным вести речь об однозначной интерпретации многих публично-правовых терминов, которая объективно необходима для реализации регулирующих положений отечественного законодательства.

§ 3. Семантические особенности частноправовой терминологии

Догматика частного права, представленная в виде концепций, комментариев, определений и ретроспективных обобщений, а также начала современного гражданского законодательства, такие как справедливость, добросовестность, разумность, свобода, равенство сторон и другие, на всем протяжении развития юриспруденции являлись основой профессиональной рефлексии цивилистов. Современная процессуальная практика, связанная с рассмотрением и разрешением споров экономического характера, не может обойтись без использования необходимых познаний не только в области гражданского права, но и в иных сферах: логике, психологии, лингвистике и других науках. Научные понятия, определения, конструкции, представленные в постановлениях высших судебных инстанций, ориентируют цивилистическую практику на более тесное взаимодействие с различными областями научного знания¹. Необходимость этого обусловлена комплексным характером многих явлений окружающей действительности, имеющих экономические, технические, лингвисти-

¹ Семякин М.Н. Цивилистическое правоповедение и юридическая практика // Рос. юрид. журнал. 2014. № 4. С. 7-17.

ческие, социальные составляющие, которые затрудняют их юридическую интерпретацию, придавая ей размытый и фрагментарный характер. Вследствие этого возникают проблемы смыслового наполнения терминологии, необходимой для составления текста закона, судебного решения, договора.

В последние годы в учебной юридической литературе все чаще и все больше места отводится освещению теоретических и практических аспектов частного права, их соотношения применительно к той или иной отрасли права, институтам, методам правового регулирования общественных отношений и даже отдельным нормам права. Нередко проблемы частного права рассматриваются через призму истории эволюции взглядов, начиная с эпохи Древнего Рима – времени становления основ правовых систем, утвердившихся в странах континентальной Европы.

Деление права на частное и публичное, как отмечается во многих учебных и иных литературных источниках, действительно восходит к римскому праву. Свидетельство тому - фрагмент из сочинения Ульпиана, включенный в первый титул первой книги «Дигест»: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное (право). Публичное право, которое (относится) к положению Римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц; существует полезное в общественном отношении и полезное в частном отношении»¹.

Известные ученые обращали внимание на отдельные черты (свойства) правовой нормы или совокупностей норм, каждая из которых вкуче с другими может быть признана критерием разделения права на частное и публичное.

Так, С.А. Муромцев на первое место ставил то, по чьей инициативе возбуждается защита нарушенных прав: если государства, то публичное право, если по инициативе лиц, чьи права нарушены, то речь идет о нормах частного права².

Г.В. Шершеневич различал части права по характеру регулируемых правом отношений: публичное право регулирует общественные отношения в государстве (уплата налогов, воинская повинность и др.), частное - частные отношения в государстве (отношения собственности, семейные отношения)³.

По мнению Л.И. Петражицкого, частное право - это область децентрализации, или лично-свободного права, а публичное право - это область централизации, или социально-служебного права⁴.

¹ Дигесты Юстиниана. С. 23.

² Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1879. С. 188.

³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. I-II. М.: изд-е бр. Башмаковых, 1995. Т. 2. С. 141.

⁴ Петражицкий Л.И. Общая теория права в связи с теорией нравственности. СПб., 1911. С. 711-714.

М.М. Агарков различие находил в значимости общественных отношений: публично-правовая норма регулирует важные с общественной точки зрения интересы, предписывая субъектам правила поведения, во имя же частных интересов правила поведения субъектов не предписываются, а лишь допускаются наряду с другими возможностями, зависящими от самого субъекта¹.

Сущность частного права выражена в его принципах: независимости и автономии личности; признания защиты частной собственности; свободы договора; защиты интересов лица в его взаимоотношениях с другими лицами; ограничения непосредственного вмешательства в регулирование отношений.

Анализ терминологического аппарата, отражающего сущность частно-правовых отношений, позволяет отметить, что четкость и определенность частно-правовых предписаний, которые могут быть достигнуты только при правильном построении и использовании терминологии, являются важнейшими условиями эффективной реализации государством законодательной и правовой политики. Правоприменителю необходима определенность содержания правовых норм, предполагающая их достаточную точность и обеспечивающая их правильное понимание и применение². О необходимости совершенствования законодательства в плане законодательной техники, к элементам которой относятся, в частности, нормативное построение и юридическая терминология, говорят и ученые-правоведы³. Система законодательного регулирования частно-правовых отношений имеет определенные недостатки: трактовка терминов недостаточно четкая, отсутствует законодательное определение некоторых существенных понятий.

Принимая во внимание то, что систему частного права составляют гражданское право, семейное право, трудовое право, земельное право, международное право⁴, обратимся к примерам.

Одним из наиболее важных базовых понятий, составляющих терминологический фундамент регулирования семейных, жилищных, трудовых и иных видов частноправовых отношений, выступает понятие «семья», являющееся универсальной правовой категорией.

Понятие о семье в разное время становилось объектом пристального внимания крупнейших российских правоведов. Так, Г.Ф. Шершеневич указывал, что «семья есть постоянное сожителство мужа, жены и детей, т.е. представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих. Круг

¹ Агарков М.М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1-2. С. 38.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3200; Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2001 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 10. Ст. 996.

³ Козырин А.Н. Принципы законотворчества в сфере публичных финансов // Финансовое право. 2008. № 2. С. 4-11.

⁴ Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 205-206.

лиц, входящих в этот союз, неодинаков на различных ступенях развития человечества. Под влиянием индивидуализма круги, более отдаленные от центра, каковым является союз супругов - родоначальников, постепенно отпадают и понятие о семье суживается. Современная семья состоит только из отца, матери и детей, причем последние, по достижении возмужалости, в большинстве случаев тотчас же обособляются в отдельные союзы, малосвязанные с первоначальным. Боковые родственники, не успевшие создать самостоятельной семьи, оставаясь в союзе, составляют случайный придаток. Именно в таком ограниченном смысле понимает семью наш закон»¹.

Как сложное многогранное социальное явление семья выступает в качестве предмета исследования во многих областях науки, в том числе в различных отраслях юриспруденции. В праве, прежде всего семейном, выработаны доктринальные подходы к определению понятия семьи и предложены его дефиниции.

В целом, в семейном праве России семья рассматривается «как союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих» и как основная ячейка государственного организма, пользующаяся некоторой автономией, и как «одна из форм хозяйственного быта», и как «группа лиц, связанных браком или родством, живущих совместно друг с другом»².

Однако, как это ни покажется странным, до настоящего времени в российском семейном законодательстве отсутствует легальная дефиниция термина «семья». Такое состояние терминологических основ частного права не может остаться вне процесса модернизации в сфере законодательного регулирования частноправовых отношений в условиях, когда одной из основных целей формирования в Российской Федерации системы управленческих решений и действий органов государственной власти является влияние на общественные проблемы, события и отношения, которые оказывают существенное воздействие на жизнь социума в целом и затрагивают интересы больших групп людей. Государственно-властное распределение ценностей в социальной общности, основанное на механизме выбора между соревнующимися альтернативами и выступающее в качестве консенсуального фактора, способствующего сохранению целостности общества³, позволяет обеспечить социально-правовую защиту отдельных групп населения.

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: изд-е бр. Башмаковых, 1911 // СПС «Гарант».

² См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. М., 2003. Т. 2; Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. М., 2003. С. 369; Загоровский А.И. Курс семейного права. М., 2003.

³ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 331-332.

К числу таких социальных групп в первую очередь относятся дети, чьи проблемы влияют на жизнь всего общества и выражают отношения конфликта и сотрудничества между различными экономическими, политическими, юридическими и иными факторами. В силу возраста и зависимого от взрослых положения ребенку не может быть обеспечена абсолютная безопасность, что делает защиту его прав и законных интересов одним из приоритетных направлений государственной политики любой страны. Права детей являются частью общечеловеческих прав. Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. отмечается особое положение детей в обществе и подчеркивается, что на них распространяются все международные принципы прав человека. Трудно отрицать необходимость непрерывного совершенствования деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также общественных организаций, образовательных учреждений, различных институтов гражданского общества, направленной на совершенствование механизма реализации прав несовершеннолетних и обеспечение эффективной защиты их интересов.

Необходимость дальнейшего развития и реализации государственной политики по защите прав и законных интересов детей, обусловленная важностью и масштабностью задач по охране жизни и здоровья подрастающего поколения, позволяет говорить о сохраняющейся актуальности исследований данной проблемной области¹. При этом как у законодателя, так и у правоприменителя концептуальные представления о предмете защиты прав и интересов детей должны быть основаны на использовании лексической базы, сформированной с учетом принципа единства терминологии.

В связи с этим обратим внимание на словосочетание «законные интересы ребенка» - термин, наиболее часто используемый в процессе обозначения понятий, отражающих различные множества явлений социально-правовой действительности, связанные с защитой детей. Структурно данный термин состоит из двух распространенных в юридическом языке элементов: «законные интересы» и «ребенок».

На международно-правовом уровне определение понятия «ребенок» нашло отражение в ст. 1 Конвенции о правах ребенка 1989 г. В соответствии с этим документом ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее.

На национальном уровне дефиниция понятия «ребенок» отражена в ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», а также в ст. ч. 1 ст. 54 СК РФ, где ука-

¹ См.: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

зано, что ребенок – это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия).

Обычно в российском законодательстве термины «ребенок» и «несовершеннолетний» используется в качестве синонимов. Так, в ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», посвященной особенностям размещения в Интернете текстов судебных актов, говорится, что не подлежат размещению в сети тексты судебных актов, вынесенных по делам, возникающим из «семейно-правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, другим делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних».

Иногда законодатель в тексте нормативных правовых актов использует эти термины отдельно¹. При этом термин «несовершеннолетний» используется в тексте нормативных правовых актов, как правило, узконаправленно, о чем свидетельствует значительное число производных от него терминологических единиц, таких как «несовершеннолетние подопечные»², «несовершеннолетний в возрасте до пятнадцати лет», «больной наркоманией несовершеннолетний»³, «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении»⁴.

Вместе с тем в отдельных случаях сочетание указанных терминов в тексте нормативного правового акта может привести к их смысловой дифференциации. Например, в ч. 2 ст. 10 ГПК РФ, посвященной гласности судебного разбирательства, упоминается о тайне усыновления (удочерения) ребенка, а в ч. 8 указанной статьи говорится, что «решения судов объявляются публично, за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних». Таким образом, в тексте названной статьи термин «ребенок» приобретает семейно-правовую смысловую окраску, а термин «несовершеннолетний» в большей степени наделяется гражданско-процессуальным семантическим потенциалом. Это лишает языковые единицы того значимого компонента, который связан с их адекватным восприятием человеком, использующим язык⁵.

¹ См.: ст. 11 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; ст. 45 УПК РФ.

² См.: п. 1 Постановления Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // Российская газета. 2009. 27 мая.

³ См.: ст. 7 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

⁴ См.: ст. 2 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

⁵ Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. С. 5.

Для поиска причин возникающей денотативной конвергенции терминов «несовершеннолетний» и «ребенок» как референтов одной и той же категории юридического языка обратимся к анализу соответствующего понятия с точки зрения особенностей множества им поименованного. Правомерность такого подхода объясняется тем, что «эмпирические знания человека имеют высокую ценность как средства главным образом для случайных целей, а если они в конце концов становятся средством для необходимых и существенных целей человечества, то это достигается не иначе как при посредстве познания разума на основе одних лишь понятий»¹. Научно-теоретическое мышление традиционно опиралось на понятие как интеллектуальное средство решения конкретных научных проблем, выступающее в качестве инструмента получения нового знания².

Итак, если при определении понятия «ребенок» на международном и национальном уровнях в первом случае в качестве интенционального критерия используются признаки возраста и эмансипации, то отечественный законодатель использует лишь признак возраста.

Международно-правовая позиция представляется более предпочтительной, так как, в отличие от национальной, согласуется с особенностями гражданско-правового регулирования статуса несовершеннолетнего, закрепленного в ст. 27 ГК РФ, которая устанавливает, что несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органа опеки и попечительства - с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя либо при отсутствии такого согласия - по решению суда. При этом родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в частности по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда.

Таким образом, определяя понятие «ребенок» на основании ст. 1 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и ч. 1 ст. 54 СК РФ, мы будем вести речь о множестве лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, с которым авторы закона ассоциируют несовершеннолетие. Но если осуществлять семантический поиск на основании ст. 1 Конвенции о правах ребенка и ст. 27 ГК РФ, то возможно говорить лишь о множестве лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста и не подвергавшихся

¹ Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 692.

² Раджабов У.А. Динамика естественнонаучного знания. М., 1982. С. 155.

процедуре эмансипации. Следовательно, объем понятия «ребенок» в его международно-правовой интерпретации уже, чем его объем, предполагаемый отечественным законодателем. В данном случае вариативность объема понятия «ребенок», обнаруживаемая при анализе содержания различных нормативных правовых актов, вызывает необходимость использования различных терминологических единиц для его референции.

Не способствует упрощению сложившейся ситуации и то, что в названии гл. 11 СК РФ используется термин «несовершеннолетние дети», введение которого в текст закона дает основания для предположения о соотношении категорий «дети» и «несовершеннолетние» как общего и частного и о необходимости соответствующего этому использованию юридической терминологии.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ч. 1 ст. 56 СК РФ при номинации лиц, признанных в соответствии с законом полностью дееспособными до достижения совершеннолетия, имеющими право самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, в том числе право на защиту, используется термин «несовершеннолетние», что свидетельствует о его самостоятельной роли в рамках юридического текста, связанной с указанием на наличие или отсутствие правомочий самостоятельных участников правоотношений, вышедших за рамки детского статуса.

Представляется, что в процессе выбора словесных средств, определяющих семантический «ракурс» нормативного текста, использование термина «ребенок» представляется более оправданным с точки зрения принципа использования «оптимальных речевых ресурсов»¹, способствующего оптимизации стратегического процесса передачи смысла закона. В связи с этим необходимо отказаться от определения понятия «ребенок», закрепленного в ст. 1 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», а также в ч. 1 ст. 54 СК РФ, заменив его путем имплементации нормы-дефиниции из ст. 1 Конвенции о правах ребенка. Кроме того, необходимо отказаться от употребления законодателем термина «несовершеннолетний» в тех случаях, когда его использование не обусловлено необходимой смысловой спецификой.

Возвращаясь к анализу терминологической единицы «законные интересы ребенка», отметим, что соблюдение законных интересов детей нередко выступает в качестве критерия, влияющего на принятие решений, влекущих самые серьезные правовые последствия (например, изъятие ребенка из семьи)². Одна-

¹ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 10.

² См.: ст. 16 Договора между Российской Федерацией и Французской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (Москва, 18 ноября 2011 г.) // www.pravo.gov.ru. Аналогичная норма содержится в Договоре между Российской Федера-

ко до настоящего времени не сложился единый интерпретационный вектор, позволяющий вести речь об однообразном понимании значения данного термина в юриспруденции. Под интересами ребенка понимается право на надлежащее воспитание¹, а также защита здоровья ребенка² или жизнь, здоровье, нормальное физическое, нравственное и половое развитие³.

Следует согласиться с мнением Л.М. Пчелинцевой, утверждающей, что интересы ребенка нельзя понимать в узком смысле – только как обеспечение удовлетворительных материальных и жилищных условий. Вместе с тем указанный автор связывает интересы детей с такими эфемерными категориями, как «благотворное влияние семьи» и «родительская любовь»⁴, что не способствует, например, решению проблемы насилия родителей над детьми, при ответе на вопрос: в какой степени насилие родителей над детьми можно квалифицировать как «воспитательный процесс», а в каком случае это «ненадлежащее исполнение обязанностей»⁵.

По нашему мнению, корректному использованию термина «законные интересы детей» в законодательстве и правоприменительной практике будет способствовать легальное закрепление определения понятия «интересы детей», предложенное И.А. Дубровской, связывающей значение данной правовой категории с «субъективной потребностью ребенка в благоприятных условиях существования, находящих объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством»⁶.

Указанные законодательные новации позволят упорядочить процесс словоупотребления в семейном законодательстве Российской Федерации, придав ему надлежащую степень конкретизации, что будет способствовать созданию условий для формирования достойной жизненной перспективы для каждого ребенка, его образования, воспитания и социализации, максимально возможной самореализации в социально позитивных видах деятельности.

Другим примером семантических особенностей терминологического аппарата, лежащего в основе нормативного регулирования общественных отно-

цией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (Москва, 6 ноября 2008 г.) // Бюл. междунар. договоров. 2010. № 5.

¹ Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. М.: Юрайт-Издат, 2011.

² Нечаева А.Н. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6 // СПС «Гарант».

³ Яковлева Н.Г., Пристанская О.В. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних в Проекте нового Уголовного кодекса // Проблемы реформы уголовного законодательства Российской Федерации: мат. конф. М.: Акад. МВД России, 1992. С. 32.

⁴ Пчелинцева Л.М. Семейное право России: учебник. М., 2008. С. 569.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.П. Радченко. СПб.: Питер, 2007. С. 237.

⁶ Дубровская И.А. Права ребенка. М., 2008. С. 34.

шений, является отсутствие в трудовом законодательстве дефиниции термина «труд».

В соответствии с Конституцией РФ (ч. 3 ст. 37) каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены.

Обычно под трудом принято понимать целесообразную деятельность человека, направленную на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей, необходимых для жизни людей¹.

Современный уровень развития производства предполагает в качестве общего правила объединенный совместный труд, а разделение его, выполнение отдельных операций - следствие кооперации, объединения труда в целом, в масштабе общества². Социальная сторона общественной организации труда, т.е. общественные отношения по труду на производстве, регулируется правом³.

Термин «труд» широко применяется как в доктрине, выступая в качестве элемента теоретических конструкций, так и на практике при построении описательной части судебного решения⁴.

В настоящее время проблема частноправового установления стандартов труда тесно связана с реализацией программы «Достойного труда». Впервые термин «достойный труд» был упомянут в Глобальном докладе Генерального директора МОТ за 1999 г.⁵. Понятие достойного труда как возможности для женщин и мужчин получить достойную и продуктивную работу на условиях свободы, справедливости, безопасности и человеческого достоинства подразумевает, как указывается в докладе, четыре измерения труда, соединенных вместе: обеспечение прав на работе, занятость, социальная защита и социальный диалог.

В сложившейся ситуации, когда в теории частного права появляются термины, производные от таких фундаментальных понятий, как «труд», особенно важно, чтобы само это понятие нашло точную терминологическую референцию и нормативное правовое закрепление.

Согласимся с тем, что эффективность правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений во многом определяется единством понятийно-терминологического аппарата в рамках самой отрасли трудового права и его согласованностью как по вертикали (с конституционными и международно-правовыми нормами), так и по горизонтали (с нормами иных

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 722.

² Сыроватская Л.А. Трудовое право: учебник. М., 1998. С. 13.

³ Толкунова В.М. Трудовое право: курс лекций. М., 2002. С. 12.

⁴ См., напр.: Обзор кассационной практики рассмотрения уголовных дел и материалов Верховного суда Чувашской Республики за 2 квартал 2009 г. // Судебный вестник Чувашии. 2009. № 4.

⁵ Decent Work. A Report of the ILO Director General to the International Labour Conference. Geneva, ILO, 1999. URL: <http://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc87/rep-i.htm>.

отраслей права). Проблемы соответствия юридической терминологии логико-языковым требованиям и ее общеправовой унификации достаточно актуальны. Очевидно, нормы трудового права не могут существовать изолированно, они должны быть адекватно «встроены» в общую систему действующего законодательства. Каждая новая дефиниция не должна противоречить ранее принятым.

Отступление от строгих требований единства и логики в терминологии литературной и законодательной является одной из главных причин путаницы и ошибочности в употреблении терминов. Этот недостаток присутствует не в каких-либо неудавшихся опытах общетеоретической обработки вопроса, но в серьезных работах ученых-правоведов.

Очевидным является то, что отдельные термины трудового законодательства не могут ограничиваться содержанием одной отрасли права, другие, напротив, по содержанию не выходят за пределы одной отрасли - трудового права. Терминологическая составляющая Трудового кодекса неоднородна относительно особенностей ее элементов. Реализуя принцип единства терминологии в трудовом законодательстве, этого не возможно не учитывать. При проведении необходимой унификации терминологического аппарата необходимо позаботиться о сохранении в законодательстве категорий, отражающих специфику правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений. При этом оценка понятий, используемых при конструировании правовых норм, должна быть основана не только на анализе их содержания, но и на исследовании межтерминологических связей, существующих в рамках нормативных предписаний.

Правовой мониторинг, объектом которого являются не только действующее законодательство и практика его применения, но и законопроектная и иная нормотворческая деятельность, осуществляемая всеми ветвями власти, показывает, что верное употребление тех или иных терминологических единиц требует взвешенного подхода, основанного на анализе всех смысловых оттенков понятий. Выступая за унификацию терминологии, не следует забывать о специфике норм каждой отрасли права. Периоды генезиса некоторых правовых понятий и категорий измеряются столетиями¹, в течение которых происходило нормативное отражение самых тонких особенностей регулируемых общественных отношений.

Сторонники унификации законодательства, выступая за замену отдельных терминов, присущих исключительно трудовому законодательству, общеупотребляемыми терминами других отраслей права, нередко упоминают о явлении синонимии терминов. Так, С.Ю. Суменков, исследуя особенности при-

¹ Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2008.

менения таких правовых категорий, как «исключительные обстоятельства» и «уважительные причины», отмечает: «... особые условия (в лексико-семантическом их понимании) представляют собой не такие, как все, не обыкновенные обстоятельства, требования, обстановку, в которой происходит что-нибудь; правила, установленные в какой-либо области жизни, деятельности. Первые три слова в сочетании с указанием на их "особость" идентичны термину "особые (а значит, и исключительные) обстоятельства". Так, например, формулировка "особые условия" активно используется Трудовым кодексом РФ: статья 146 "Оплата труда в особых условиях", имеющая базовый характер, и детализирующая ее статья 147 "Оплата труда работников, занятых на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда"; статья 148 "Оплата труда в местностях с особыми климатическими условиями»¹.

Далее указанный автор обращает внимание на то, что «если в данных статьях изменить существительное "условие" на "обстоятельство", то, думается, принципиальной разницы не возникнет. В частности, статья 146 Трудового кодекса РФ в подобном варианте изложения звучала бы так: "Оплата труда при особых обстоятельствах". Таким образом, "особые условия" могут быть синонимами "исключительных (особых) обстоятельств»².

Действительно, понятия «условия» и «обстоятельства» являются синонимичными, однако, по нашему мнению, говорить об их полной конгруэнтности не представляется возможным по следующим причинам. Законодатель в процессе построения правовых норм с использованием данных терминов различает их прежде всего по функциональному назначению. В этом легко убедиться, обратившись, например, к положениям Гражданского кодекса РФ. Так, часть 2 ст. 1 ГК РФ, устанавливающей основные начала гражданского законодательства, указывает на то, что граждане (физические лица) и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. В данном случае при помощи термина «условия» декларируется относительная свобода контрагентов по формированию содержания договора. При этом гражданско-правовые отношения сторон, связанные, например, с совершением сделок и исполнением по ним, могут зависеть от внешних по отношению к сделке событий или действий. Классифицируя сделки по моменту возникновения прав и обязанностей сторон на совершенные под отлагательным или отменительным условием, законодатель в ст. 157 ГК РФ называет такие события или действия обстоятельствами. Реализация условий сделки в данном случае зависит от оп-

¹ Суменков С.Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил // Государство и право. 2011. № 7. С. 94.

² Там же.

ределенных законом обстоятельств. Можно сказать, что стороны содействуют (либо препятствуют) наступлению условий сделки путем формирования обстоятельств.

Об этом же говорится в ч. 1 ст. 179 ГК РФ, закрепляющей, что сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, а также сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. В данном случае «тяжелые обстоятельства» являются причиной совершения сделки на невыгодных для одной из сторон условиях.

Налицо тесная технико-правовая взаимосвязь между исследуемыми понятиями, которая, однако, не позволяет рассматривать их в качестве синонимов.

В Трудовом кодексе РФ термин «обстоятельства» имеет два основных значения.

Во-первых, в ст. 3 и 64 Трудового кодекса РФ, устанавливающих запрет ограничения в трудовых правах и свободах, а также запрет получения каких-либо преимуществ в зависимости «от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, политических убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника», он употребляется для характеристики работника, не связанной с его деловыми качествами.

Во-вторых, термин «обстоятельства» употребляется в уже обозначенном нами смысле как событие или действие, ставшее причиной чего-либо. Так, статья 72.2. ТК РФ содержит указание: «Перевод работника без его согласия на срок до одного месяца на не обусловленную трудовым договором работу у того же работодателя допускается также в случаях простоя (временной приостановки работы по причинам экономического, технологического, технического или организационного характера), необходимости предотвращения уничтожения или порчи имущества либо замещения временно отсутствующего работника, если простой или необходимость предотвращения уничтожения или порчи имущества либо замещения временно отсутствующего работника вызваны чрезвычайными обстоятельствами, указанными в части второй настоящей статьи».

Формулируя положения ст. 57 ТК РФ, законодатель подразумевает тесную связь обстоятельств и причин, когда закрепляет, что в трудовом договоре указываются «дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, - также срок его действия и обстоятельства (причины), послу-

жившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с настоящим Кодексом или иным федеральным законом»¹.

Термин «условия», как правило, применяется в Трудовом кодексе РФ для формулирования требований к производственной среде. Определяя в ст.1 ТК РФ цели и задачи трудового законодательства, законодатель указывает на необходимость установления «государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда».

Помимо этого термин «условия» широко используется при регулировании вопросов, связанных с содержанием соглашений о труде. Так, статья 9 ТК РФ, посвященная регулированию трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в договорном порядке, содержит следующее указание: «Коллективные договоры, соглашения, трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Если такие условия включены в коллективный договор, соглашение или трудовой договор, то они не подлежат применению».

Подводя итог соотнесения понятий «условия» и «обстоятельства» относительно их функционального назначения, отметим, что указанные термины не являются тождественными и их следует разграничить. Возможны случаи единичного использования понятия «обстоятельства» в качестве аналога «условий», но не синонима.

Учитывая то обстоятельство, что «использование устоявшихся понятий имеет для науки первостепенное значение, так как этим обеспечивается единство терминологии, являющейся специфическим языком теоретического мышления»², огульное исключение термина «условие» и замена его термином «обстоятельства» может привести к обеднению языка Трудового кодекса РФ.

Проблема единства и четкости терминологии не является неразрешимой³. При этом в качестве одной из особенностей реализации принципа единства юридической терминологии выступает необходимость взвешенного и обдуманного подхода при замене одних понятий другими. Изменение терминологического аппарата трудового права и законодательства, производимое на основании видимой синонимии правовых терминов, может привести к использованию одного термина или словосочетания для обозначения разных понятий или не-

¹ Другим примером такого значения термина «обстоятельство» является его использование в названии ст. 239 ТК РФ «Обстоятельства, исключаящие материальную ответственность работника».

² Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические объекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2001. С. 273.

³ Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. С. 26-27.

обоснованному использованию разных терминов или словосочетаний для обозначения одного и того же понятия.

В настоящее время назрела насущная необходимость системно модернизировать отечественное частное право посредством терминологического совершенствования гражданского, трудового, семейного, жилищного законодательства. Думается, что этот процесс должен происходить постоянно, на базе соответствующей научно обоснованной и практически выверенной концепции, что обеспечит должный уровень развития законодательства в соответствии с трансформирующимися общественными отношениями.

В послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ за 2009 год модернизация определена в качестве приоритетного направления дальнейшего развития страны¹. Для цели отмеченной модернизации представляется возможным введение в частное право законодательно закрепленных определений базовых правовых понятий, например, таких как «семья» и «труд». Это позволит реализовать меры по согласованию частноправовых отраслей с иными развивающимися отраслями законодательства и совершенствованию тех или иных участков нормативного материала. Опираясь на фундаментальные юридические термины, возможно выработать систему унифицированных научно-практических рекомендаций по модернизации частного права. Это особенно важно сегодня, когда в современной общественной жизни России проблемы модернизации частного права переводятся из области теоретических рассуждений в практическую плоскость, затрагивая при этом все стороны человеческого существования.

Еще одним примером технико-юридических трудностей, связанных с семантическими особенностями терминов частного права, может стать практика использования словосочетания «хозяйственная деятельность».

Важность правового регулирования последовательного осуществления сложных хозяйственных операций признавалась еще древнеримскими юристами. Господин мог выделить рабу определенные имущественные ценности (*resculium*) – земельный участок, скот, даже других рабов и предоставлял ему право вести самостоятельную хозяйственную деятельность, лишь внося господину определенную часть доходов. Отдельные представители класса рабовладельцев, лучше других понимавшие выгоды хозяйственной инициативы раба, признавали определенную взаимосвязь между некоторой степенью личной свободы раба и его успешной хозяйственной деятельностью².

С течением времени понятие хозяйственной деятельности не утратило своего экономического, социального и юридического значения. Повышенный

¹ <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html>

² Римское частное право: учебник / В.А. Краснокутский [и др.]; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004.

интерес вызывали вопросы правового регулирования хозяйственной деятельности у советских ученых-правоведов¹, что дает отдельным авторам основания для утверждений о существовании советской школы анализа хозяйственной деятельности².

Особенности регулирования хозяйственной деятельности в советский период были связаны с тем, что все юридические лица, осуществлявшие хозяйственную деятельность, являлись государственными предприятиями³; личное трудовое участие в хозяйственной деятельности регулировалось в том числе нормами трудового и колхозного права⁴; хозяйственная деятельность носила ярко выраженный общественный характер⁵. Советскими учеными была разработана концепция хозяйственного права, под которым понималась совокупность норм институтов советского социалистического права, которые взаимодействуют в регулировании хозяйственной деятельности⁶.

В настоящее время характер и масштабы хозяйственной деятельности служат критерием оценки экономического поведения физических и юридических лиц на предмет соответствия обычной деловой практике⁷. Поэтому исследование интерпретационно-вариативных особенностей термина «хозяйственная деятельность» должно быть комплексным и не может ограничиваться только рамками позитивного права.

В современном законодательстве Российской Федерации и правоприменительной практике термин «хозяйственная деятельность» нашел широкую сферу применения: для обозначения совокупности операций по обслуживанию, эксплуатации и ремонту недвижимого имущества в многоквартирном доме, осуществляемых товариществом собственников жилья (ст. 152 ЖК РФ); при указании на материальные основы деятельности политической партии (ст. 31 Федерального закона «О политических партиях»); в области регулирования электроэнергетики⁸ и т.д.

¹ Пугинский Б.И. Применение принципа вины при регулировании хозяйственной деятельности // Сов. гос-во и право. 1979. № 10. С. 63-70.

² Пятов М.Л. Методы расчета аналитических показателей: рентабельность активов и продаж // БУХ.1С. 2010. № 7.

³ См.: ст. 24 ГК РСФСР 1964 г.

⁴ Тюкавкин-Плотников А.А. Правовое положение производственного кооператива как субъекта предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 135.

⁵ См.: п. 1 Постановления СМ СССР от 18 мая 1989 г. № 412 «О развитии хозяйственной деятельности советских организаций за рубежом».

⁶ Красавчиков О.А. Основные этапы кодификации хозяйственного законодательства // Сб. ученых трудов Свердл. юрид. ин-та. Свердловск, 1972. Вып.18. С. 12.

⁷ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 января 2014 г. № 9324/13 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 8.

⁸ См.: гл. 8 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике».

В судебной практике термин «хозяйственная деятельность» может применяться без модификаций, связанных с добавлением лексем, уточняющих его семантику¹, либо, наоборот, в предельно узком смысле - например, «хозяйственная деятельность по упаковке багажа на территории аэропорта»².

Нередко в различных юридических документах можно встретить производные по отношению к исследуемому юридические термины уточняющего характера, такие как «текущая юридическая деятельность»³ или «реальная хозяйственная деятельность»⁴, указывающие на время осуществления хозяйственной деятельности и ее действительный характер. Характеризуя подобную практику, С.С. Алексеев отмечал, что «история правового развития последнего времени свидетельствует о том, что под влиянием фактических отношений в ряде случаев происходит своего рода "юридическая мутация" - известные качественные преобразования в праве»⁵.

К сожалению, введение новых производных от исследуемого словосочетания терминологических единиц не всегда оправдано. Так, наряду с установлением общего запрета на вмешательство в деятельность подрядчика в целом, закрепленного в п. 1 ст. 715 ГК РФ, законодатель в п. 1 ст. 748 ГК РФ дополнительно предусмотрел запрет на вмешательство в его оперативно-хозяйственную деятельность. Однако, по мнению Р.Б. Куличева, такое уточнение не несет правовых различий в видах деятельности подрядчика, вмешательство в которые запрещено⁶, с чем нельзя не согласиться. В данном случае ситуацию осложняет еще и то, что новый термин, введение которого в юридический дискурс не в полной мере оправдано, а содержание легально не раскрыто⁷, моментально «ушел на просторы» судебной практики⁸.

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 июля 2012 г. № 2598/12 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 11; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 ноября 2010 г. № 8370/10 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 2.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 3 июля 2013 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 10.

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. № 9597/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 14426/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 11.

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 июня 2014 г. № 13433/12 // www.arbitr.ru (дата обращения: 01.08.2014).

⁵ Алексеев А.А. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 323.

⁶ Куличев Р.Б. Контроль в сфере подрядных работ для государственных нужд (виды, порядок и особенности осуществления) // Право и экономика. 2014. № 5. С. 19 - 24.

⁷ Ершов О.Г. Контроль и надзор заказчика за выполнением строительных работ // Вестник арбитражной практики. 2012. № 5. С. 32-37.

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 9.

В статье 20 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», а также в ст. 25 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» используется термин «финансово-хозяйственная деятельность», который со сравнительно большей степенью конкретности указывает на характер обозначаемых им операций. Однако в рамках юридического текста он может быть использован совместно с термином «хозяйственная деятельность» как его синоним¹, что не позволяет вести речь о смысловой однозначности данной терминологической единицы.

Для удобства обозначения понятий, позволяющих успешно отображать в сознании суда особенности экономических споров, в юридический язык вводятся специальные термины, такие как «обычная хозяйственная деятельность»². Подобная практика позволяет в рамках содержания судебного решения обеспечить реализацию одной из основных функций языка – передачу информации³. Но для того, чтобы что-то передать, необходимо это что-то получить, добыть и сохранить. «Информация не является вещью, существующей вне человека и общества, хотя она и может отражать то, что существует вне и независимо от человека и человечества. Ключевым для понимания природы информации является слово «отражать»⁴. Использование юридического термина должно быть связано с реализацией как коммуникативной функции языка, так и с необходимостью обеспечения адекватной смысловой референции явлений правовой действительности.

Современная судебная практика понимает под обычной хозяйственной деятельностью «любые операции, которые приняты в текущей деятельности соответствующего общества либо иных хозяйствующих субъектов, занимающихся аналогичным видом деятельности, сходных по размеру активов и объему оборота, независимо от того, совершались ли такие сделки данным обществом ранее», и в то же время исходит из того, что «не является основанием для квалификации сделки как совершенной в процессе обычной хозяйственной деятельности один только факт ее совершения в рамках вида деятельности, упомянутого в Едином государственном реестре юридических лиц или уставе общества как основного для данного юридического лица, либо то, что общество

¹ Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 8 июня 2012 г. № 03-03-06/1/294 // СПС «Гарант».

² См.: п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" // Российская газета. 2000. 27 января.

³ Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М.: Наука, 1979. С. 40-41.

⁴ Бургин М.С., Кузнецов В.И. Введение в современную точную методологию науки: структуры систем знания. М.: Аспект Пресс, 1994. С. 167.

имеет лицензию на право осуществления такого вида деятельности»¹. При таком подходе «обычная хозяйственная деятельность» становится родовым обозначением целой группы операций, которые имеют минимальное число общих признаков, что становится причиной эклектичности и фрагментарности понимания ее предмета. Таким образом, семантические особенности юридического термина «обычная хозяйственная деятельность», выступающего в качестве предмета интерпретационной практики, затрудняют достижение цели по уяснению содержания и формы обозначаемых им социально-правовых явлений и, как следствие, формированию интерпретационного опыта².

Определенный интерес вызывает вопрос о соотношении хозяйственной и производственной деятельности участников гражданско-правовых отношений. В условиях отсутствия общепринятой точки зрения в науке и практике *de facto* сформировались три подхода к соотношению указанных видов деятельности.

Так, Б.С. Антимонов, исследуя особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, отмечал, что «не имеет значения характер деятельности: производственный, хозяйственный, научно-исследовательский или административно-управленческий»³, т.е. указывал на самостоятельный характер как производственной, так и хозяйственной деятельности. Аналогичный подход применяется в настоящее время при осуществлении административно-правового анализа деятельности контрольных органов Российской Федерации, которые «имеют право вмешиваться в хозяйственную, производственную деятельность организации, применяя в исключительных случаях ограниченный законом срок запрета ее деятельности (до устранения выявленных нарушений), а также меры административного принуждения»⁴.

Однако рассматриваемые виды деятельности интерпретируются как общее и частное в том случае, когда субъект экономических отношений достигает своих целей путем осуществления «производственной или иной хозяйственной деятельности»⁵. Из подобного понимания соотношения значений терминов

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

² Половова Л.В. Функции интерпретационной практики: автореф. дис. ... канд юрид. наук. Н.Новгород, 2001. С. 11-12.

³ Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952. С. 100.

⁴ Административная реформа в России: науч.-практ. пособие / под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой // URL: <http://www.taiqa.bratsk-city.ru>.

⁵ Оглоблина О.М. Правовое регулирование имущественных отношений в сельскохозяйственных коммерческих организациях // Законодательство и экономика. № 7. 1999.

«производственная деятельность» и «хозяйственная деятельность» исходил Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, отмечавший, что «крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность»¹. В связи с этим уместно будет заметить, что в п. б ч. 1 ст. 4 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, подписанного в Киеве 20 марта 1992 г. и ратифицированного Россией 9 октября 1992 г.², упоминается «торговая, промышленная или иная хозяйственная деятельность предприятия». Лексический анализ данного соглашения в контексте сложившейся отечественной судебной практики позволяет сделать вывод о необходимости выработки подсистемы юридических терминов для оптимального отражения структуры и видов хозяйственной деятельности.

Кроме того, производственная и хозяйственная деятельность в понимании суда в некоторых случаях могут «сливаться» в одну, обозначаемую термином «производственно-хозяйственная», выступающим в данном случае синонимом слова «коммерческая». Об этом, в частности, говорится в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах»³, где указано, что «делкам, связанным с учреждением общества, помимо сделок по оплате распределенных среди учредителей акций могут относиться сделки по приобретению (аренде) помещения для размещения общества, оборудования для офиса, заключению договора банковского счета и другие, не относящиеся непосредственно к коммерческой (производственно-хозяйственной) деятельности общества».

Кроме того, нельзя не заметить, что хозяйственная деятельность может быть связана с предпринимательством, но отнюдь не сводится к нему. Цели создания и функционирования десятков тысяч субъектов хозяйственной деятельности не связаны с извлечением прибыли и обусловлены необходимостью решения социальных задач, либо промышленные, строительные, транспортные и другие предприятия создаются и осуществляют хозяйственную деятельность не только в целях получения прибыли⁴. Обратив внимание на традиционную хозяйственную деятельность лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, можно

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2013 г. № 15604/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.

² Содружество. 1992. № 4. С. 53.

³ СПС «Гарант».

⁴ Предпринимательское право Российской Федерации / под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. М.: Юристъ, 2003.

увидеть, что ее целями являются обеспечение защиты исконной среды обитания этих народов и их традиционного образа жизни¹, т.е. основ существования². Более того, традиционная хозяйственная деятельность большей частью может проходить вне сферы гражданско-правового регулирования, основываясь на нормах трудового права и права социального обеспечения. На это указывает Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики за второй квартал 2012 г., где говорится: «... при достижении Б. 50-летнего возраста у нее возникло право на назначение спорной пенсии, поскольку истцом доказаны как факт принадлежности к числу коренных малочисленных народов Севера, так и факты проживания на территории городского округа Хабаровск, который отнесен к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов ..., и занятия Б. традиционными видами хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России рыболовством, художественными промыслами и народными ремеслами»³.

Таким образом, если рассматривать российское законодательство и правоприменительную практику как две системы информационных процессов, то использование термина «хозяйственная деятельность» в ряде случаев приводит к несогласованности между ними и противоречиям в каждой из них, что вызывает потребность решения задачи по преобразованию терминосистемы юридического языка⁴. Феноменология процесса решения данной задачи должна быть обусловлена необходимостью исключения возможности неоправданного введения в юридический дискурс терминов производного характера; соотнесения родственных терминов по смыслу при их совместном использовании в тексте юридического документа; обеспечения адекватной смысловой референции явлений правовой действительности. Необходимо на законодательном уровне разграничить производственную, хозяйственную и предпринимательскую деятельность как виды социально-экономической активности и установить соотношение между ними. Кроме того, это косвенным образом поможет упорядочить употребление в речи представителей юридического сообщества схожих терминов, таких как «деятельность хозяйственной организации»⁵.

Представляется, что основой первых шагов в направлении решения комплекса обозначенных задач по оптимизации использования термина «хозяйст-

¹ См.: ст. 48 Лесного кодекса РФ.

² См.: ст. 19 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 28 июля.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2012 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 октября 2012 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

⁴ Эсаулов А.Ф. Психология решения задач. М., 1972. С. 103.

⁵ Исмаилов Ш.М. Рациональное использование водно-энергетических ресурсов региона: правовые аспекты // Энергетическое право. 2011. № 1. С. 30-34.

венная деятельность» в российском законодательстве и правоприменительной практике должно стать понимание термина как символа дефиниции, выраженного в определенной знаковой форме.

Не учитывая того, что упорядочение частноправовой терминологии, решение ее функциональных проблем невозможны без достаточно глубокой научной разработки юридических понятий и точного их определения, нельзя говорить о совершенстве терминологии¹. Как представляется, законодатель должен дать легальные определения многих понятий, относящихся к сфере частного права, что позволит упорядочить использование соответствующего комплекса терминов и даст возможность определить его место в системе терминологических основ российской юриспруденции.

¹ Виноградов В.В. Вопросы терминологии. М., 1961. С. 8.

Заключение

Предпринятая в работе попытка подвергнуть всестороннему анализу современное состояние слов и словосочетаний, обозначающих юридические понятия, и проанализировать вариативность семантики юридических терминов дает богатый материал для раздумий. Исследование структуры современных терминологических основ юриспруденции выявило наличие различных семантических отношений между терминами, обслуживающими правоведение как самостоятельную отрасль знания. Русская юридическая терминология отражает концептуальный аппарат различных национальных правовых традиций регулирования общественных отношений, юридических направлений и школ, а также правовых теорий отдельных авторов. Это позволяет вести речь о формировании категориально-понятийной системы специального юридического языка и становлении его терминологии, которая является гибкой и живо реагирующей на изменения в теории и практике как языкознания, так и правоведения.

Языковая репрезентация юридических понятий представлена соответствующими терминологическими единицами, особенности которых позволяют анализировать их через структуру разного рода семантических полей, лексико-семантических и отраслевых группировок, а также через выявление парадигматических (синонимических, антонимических) и ассоциативно-деривационных (словообразовательные цепочки) связей. Юридической терминологии свойственны соотнесенность структуры значения тождественных по материальной форме словесных единиц, семантическая связь, противопоставленность в речевой практике.

Понятийная системность юридической терминологии обусловлена ее структурно-семантическими свойствами. Семантический объем терминов и терминообразовательная парадигматика зависят от иерархических и функциональных отношений между термилируемыми понятиями. Поэтому иерархия и имплицитная связь в системе номинаций правовых феноменов имеет семантическую основу. Соблюдение принципа системности термина, отражающего его предметную отнесенность и место в соответствующей понятийной системе, позволяет избежать неоправданного расширения предметно-понятийного пространства в процессе интерпретации юридической терминологии.

В речевой практике многозначность юридического термина, как правило, снимается соответствующим контекстом, который обеспечивает однозначное понимание понятия, обозначаемого соответствующим терминологическим наименованием. Семантика многозначного юридического термина на уровне речи определяется его терминологическим полем. В то же время, изучая терминологическую многозначность и ее причины при помощи синтеза, можно выделить

особый компонент - аспект, который характеризует объект номинации и позволяет описать сложность понятия, обозначенного термином. Вместе с тем, явление многоаспектности при использовании юридического термина приводит к его многозначности, выражающейся в обозначении одним термином разных денотатов или понятий, лежащих в основе одной или нескольких отраслей права.

Среди иных причин полисемии терминов называют: а) частоту употребления термина, прецедентность, узнаваемость в специальном узусе; б) семантическую и эмоционально-коннотативную подвижность в системе терминов; в) переход терминов-словосочетаний в термины-слова или введение сокращенного варианта термина; г) проникновение профессионализмов в терминологию; д) многозначность общеупотребительных слов¹.

Юридическая терминология является открытой многоаспектной системой специальных номинаций, постоянно пополняемой и корректируемой в результате интенсивного практического применения. В связи с этим перспективным представляется моделирование семантического пространства юридической терминологии, т.к. именно на семантическом уровне можно выявить фундаментальные связи и отношения, проявляющиеся на более высоких уровнях.

Изучение полисемии юридической терминологии дает возможность выявить особенности развития ее семантической структуры, а также определить типологию семантических моделей терминообразования в юридическом языке. Научное моделирование процесса реализации семантической структуры юридического термина определяется спецификой правоведения как самостоятельной отрасли знания. Парадигматические и синтагматические связи терминологического наименования определяются местом конкретного понятия (соответственно и его наименования, т.е. термина) в логико-понятийной системе права.

Отсюда качество интерпретации юридических терминов зависит от принятия во внимание специфических понятийных отношений между ними, которые выявляются при рассмотрении структуры значения и соотнесении значений терминов одной лексико-семантической парадигмы.

Анализ показал, что без исследования феномена полисемии юридической терминологии затруднено объективное проведение инвентаризации и семантизации элементов терминологических основ законодательства и юридической доктрины.

Обращение к проблеме семантики юридического термина дает реальную возможность детального изучения терминологических основ различных отраслей права с использованием известных на сегодняшний день в языкознании ме-

¹ Авербух К.Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005; Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2006; Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Терминологическая деятельность. М., 1993.

тодов анализа языковых единиц. Перспективой проводимых таким образом исследований может стать дальнейшее развитие терминологической теории в рамках доктрины права, которая выступит в качестве средства, обеспечивающего единство научного понимания значения термина и его интерпретации в лексиконах различных отраслей права.

На сегодняшний день юридическая терминология может быть упорядочена на основе применения различных моделей репрезентации понятийных структур. Разработка принципов дефинирования терминологических единиц юридического языка, а также полное комплексное параметрическое описание терминосистемы и полное детализированное представление понятийной структуры отдельных отраслей права составляют перспективу настоящего и подобных исследований. Юридическая терминология в силу как нарастающей стремительности ее формирования, так и глобальности и инкорпорированности в общий язык требует пристального научного внимания и обращения к нормативной работе с применением эффективных методов использования юридической терминологии как средства законодательной техники.

Список использованной литературы

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля.

3. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации.
8. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
9. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Российская газета. 1998. 30 июня.
10. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.
11. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.
12. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.
13. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.
14. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
15. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Парламентская газета. 2008. 31 июля.
16. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
17. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 2010. 31 декабря.
18. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
19. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. 2013. 12 апреля.

20. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 23 июля.
21. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля.
22. Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
23. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.
24. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
25. Указ Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3356.
26. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Парламентская газета. 2000. 30 сентября.
27. Инструкция по делопроизводству (утв. постановлением главы Ванинского муниципального района Хабаровского края от 10 февраля 2009 г. № 61 // СПС «Гарант».
28. Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 4 марта 2014 г. № 03-05-05-01/9272 // Учет. Налоги. Право - Официальные документы. 2014. № 17-18.
29. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.
30. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 19 мая 2014 г. № 129 «Об утверждении форм и сроков представления отчетов об использовании субсидии из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации на софинансирование объектов капитального строительства государственной (муниципальной) собственности» // Российская газета. 2014. 15 августа.
31. Распоряжение Правительства РФ от 7 марта 2013 г. № 317-р «О Плане мероприятий (дорожная карта) «Оптимизация процедур регистрации

- юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 11. Ст. 1148.
32. Дигесты Юстиниана. М.: Наука, 1984.
33. Постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС от 22 декабря 1987 г. № 1457 «Об обеспечении эффективной занятости населения, совершенствовании системы трудоустройства и усилении социальных гарантий для трудящихся» // Собрание Постановлений Правительства СССР. 1988. № 5. Ст. 13.
34. Распоряжение губернатора Хабаровского края от 15 ноября 2013 г. № 610-р «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в аппарате губернатора и правительства Хабаровского края» // СПС «Гарант».
35. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // СПС «Гарант».
36. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // СПС «Гарант».

2. Судебная практика

37. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2013 г. № 11-АПГ13-4 // СПС «Консультант Плюс».
38. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2013 г. № 57-АПГ13-3 // СПС «Консультант Плюс».
39. Кассационное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 12 января 2012 г. по делу № 33-626/2012 // СПС «Гарант».
40. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2012 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 октября 2012 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 1.
41. Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1092-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Маловой Светланы Николаевны на нарушение ее конституционных прав положением части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
42. Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.
43. Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального

- закона "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 6.
44. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2000 г. № 48-Г00-11 // СПС «Гарант».
45. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 6.
46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Российская газета. 1996. 5 ноября.
47. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2009 г. № 09АП-406/2009 // СПС «Гарант».
48. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 марта 1996 г. № 4/9 // СПС «Гарант».
49. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 декабря 2005 г. № 86-Г05-28 // СПС «Гарант».
50. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2010 г. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.
51. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.
52. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 октября 2010 г. № 19АП-7060/10 // СПС «Гарант».
53. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 20 октября 2010 г. № 3-288/10 // <http://www.sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru>
54. Решение Липецкого областного суда от 13 июня 2006 г. № 3/9-2006 // СПС «Гарант».

3. Учебники, учебные пособия, монографии

55. Авл Геллий. Аттические ночи. СПб.: Гуман. академия, 2007.
56. Азарова Л.Е. Лексико-семантические особенности термина // Языковые единицы: логика и семантика, функции и прагматика: сб. науч. тр. к 75-летию П.В. Чеснокова. Таганрог: ТГПИ, 1999.
57. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Свердловск, 1972.
58. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982.

59. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.
60. Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2013.
61. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т.2.
62. Аристотель. Топика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978.
63. Нормы советского права / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987.
64. Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М., 1978.
65. Бабаев В.К. Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1991.
66. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 1997.
67. Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
68. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.
69. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М., 1997.
70. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000.
71. Белокрылова Е.А. Комментарий к Закону РФ «О безопасности». М.: Юстицинформ, 2008.
72. Болдырев В.А. Конструкция юридического лица-несобственника: опыт цивилистического исследования. М.: Статут, 2012.
73. Будагов Р.А. Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
74. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
75. Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1962.
76. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов (для начинающих юристов). М.: Изд-е бр. Башмаковых, 1913.
77. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толкование и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002.
78. Виноградов В.В. Вопросы терминологии. М., 1961.
79. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972.
80. Виноградов В.В. Русский язык // Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1977.
81. Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910.
82. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
83. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мир книги; Литература, 2007.
84. Гетманов А.Д. Логика: учебник. М., 2004.

85. Гетьмань-Павлова И.В. Римское частное право: курс лекций в схематическом изложении. М.: Юристъ, 2005.
86. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2004.
87. Державин Г.Р. Стихотворения. Проза. Воронеж: Центрально-Черноз. кн. изд-во, 1980.
88. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
89. Европейская поэзия XIX века. М.: Худож. лит., 1977.
90. Ефимова Л.Г. Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001.
91. Законотворчество в Российской Федерации: науч.-практ. и учеб. пособие / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000.
92. Иванов Е.А. Логика. М., 2002.
93. Интерпретационная юридическая практика. Ярославль, 1998.
94. Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. // Кант И. Соч. Т. 4 (2). М., 1965.
95. Кабышев О.А. Право на алименты. М.: ПРИОР, 1998.
96. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Междунар. отношения, 1987.
97. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, 2005.
98. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991.
99. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2001.
100. Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей. М.: Едиториал УРСС, 2004.
101. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (испр., доп., перераб.) / под ред. А.И. Чучаева). М.: КОНТРАКТ, 2013 // СПС «Гарант».
102. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009.
103. Кортунюв С.В. Национальная и международная безопасность: Концептуальные основы. М., 2007.
104. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
105. Куликова И.С., Салмина Д.В. Ведение в металингвистику: системные, лексикографические и коммуникативно-прагматические аспекты лингвистической терминологии. СПб.: САГА, 2002.
106. Лейчик В.М. Люди и слова. М., 1982.
107. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Ком-Книга, 2006.

108. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000.
109. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи: учеб. пособие. М.: КомКнига, 2005.
110. Лунц Л.А. Курс международного частного права: Общая часть. М., 1973.
111. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
112. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2002.
113. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: Тетра-Системс, 2004.
114. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта: Наука, 2010.
115. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Академия, 2004.
116. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
117. Морозова Л.А. Терминознание: основы и методы. М.: Прометей, 2004.
118. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М.: Наука, 1979.
119. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
120. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988.
121. Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2000.
122. Общая теория права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1995.
123. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 2002.
124. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование. М., 1998.
125. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. I-III (по изд. 1896 г.). М.: Зерцало, 2004.
126. Покровский И.А. История римского права // СПС «КонсультатПлюс».
127. Попондопуло В.Ф. Правовое регулирование предпринимательства. СПб.: ТЕИС, 1994.
128. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
129. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 1999.
130. Русская поэзия XIX века. М.: Худож. лит., 1974.
131. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974.
132. Современный русский язык: учебник / Е.А. Белошапкова [и др.]. М.: Высш. шк., 1989.
133. Спиридонов В.Ф. Психология мышления: решение задач и проблем. М.: Генезис, 2006.

134. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
135. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2005.
136. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. 2-е изд. М., 2003.
137. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Терминологическая деятельность. М.: Изд-во УРСС, 1993.
138. Сухотин А.К. Парадоксы науки. М.: Мол. гвардия, 1978.
139. Табанакова В.Д. Моделирование научно-исследовательского текста. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004.
140. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистические исследования. Ч. 1. Общие положения. М.: Зерцало, 2010.
141. Тарусина Н.Н. Основы совершенствования законодательства о защите субъективных прав и интересов // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав / под ред. В.В. Бутнева. Ярославль, 1988.
142. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2006.
143. Тихомиров Ю.А. Правовые акты: учеб.-практ. и справ. пособие. М., 1999.
144. Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций. Н.Новгород, 2008.
145. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.
146. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М.: Юристъ, 1998.
147. Хвостов В.М. Общая теория права: элементарный очерк. СПб., 1914.
148. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов, 1997.
149. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979.
150. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие. М., 2003.
151. Шерстнева Н.С. Понятие, сущность и система принципов семейного права: монография. М.: Юстицинформ, 2006.
152. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие. М., 1995.
153. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. М., 1990.
154. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Авалонъ, 2008.
155. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005.
156. Эсаулов А.Ф. Психология решения задач. М., 1972.
157. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М., 1999.

158. Юртаева Е.А. Современные тенденции законодательного творчества // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004.
159. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
160. Язык как средство формирования экономического мышления. Киев, 1990.
161. 40 лет советского права. 1917-1957: период социализма. Т. 2 / отв. ред. М.Д. Шаргородский Л., 1957.

4. Научные статьи

162. Агарков М.М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1-2.
163. Агошкова Е. Б. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7.
164. Аронов И. Качество продукции и безопасность: что первично? // Стандарты и качество. 2006. № 1.
165. Аршинский Л.В., Жигалов Н.Ю., Мункожаргалов Ц.Б. Проблемы применения информационного и логико-математического моделирования в судебной экспертизе и криминалистике // Российский следователь. 2013. № 3.
166. Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: мат. междунар. «круглого стола» / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н.Новгород, 2007.
167. Барзилова И.С. Понятие и юридическая природа правовых режимов // Lex russica. 2013. № 11.
168. Бахта А.С. Нормы-дефиниции в уголовно-процессуальном праве // Российская юстиция. 2009. № 11.
169. Белов В.А. «Да Бог с ней, с истиной – мне Платон дороже», или О человеческих отношениях в российской науке // Закон. 2014. № 12.
170. Гаврилова Ю.А. Методологические проблемы изучения смыслового поля права // Lex russica. 2013. № 11.
171. Герд А.С. Логико-понятийное моделирование терминосистем // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1988.
172. Гетьман-Павлова И.В. Истоки науки международного частного права: школа глоссаторов // Международное публичное и частное право. 2010. № 2.

173. Горшкова Т. М., Русова Н. Ю., Ручина Л. И. Структура терминологических словарей и возможности их представления в базах данных машинного фонда русского языка // Третья Всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка: тез. докл. М., 1989. Ч. 2.
174. Громов Н.А. Толкование и аналогия в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2000. № 5/6.
175. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М.: Наука, 1971.
176. Деборин А.М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов // Вопросы языкознания. 1957. № 4.
177. Детков А.П. Юридический конфликт // Российский юридический журнал. 2011. № 5.
178. Ефремов А.В. Суды общей юрисдикции обязаны применять нормы законов с учетом их конституционно-правового смысла, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 3.
179. Зверева Я.В. Реализация модели герменевтического круга в интерпретации текстов // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32.
180. Иванова Т.Г. Земельные участки намывных территорий: эколого-правовые вопросы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 8.
181. Исмаилов Ш.М. Рациональное использование водно-энергетических ресурсов региона: правовые аспекты // Энергетическое право. 2011. № 1.
182. Казьмин И.Ф., Прянишников Е.А., Сморгунов Е.М. Унификация и стандартизация юридических терминов // Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
183. Капанадзе Т.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965.
184. Карасева (Сенцова) М.В. Термины гражданского права в налоговом законодательстве и правоприменении // Закон. 2013. № 6.
185. Кулебакин В.С., Климовицкий А.Я. Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
186. Кунина М.Н. Директивность как составляющая (категория) дискурса судебного пристава-исполнителя (СПИ) // Общество и право. 2011. № 5.

187. Лапач Л. Понятие «имущество» в российском праве и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. № 1.
188. Лебедев С.А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1.
189. Магомедов С.К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал российского права. 2004. № 3.
190. Малинова И.П. Герменевтический круг в толковании договора // Российский юридический журнал. 2006. № 1.
191. Малоизвестные экономические, бухгалтерские и юридические термины // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2005. № 1-2.
192. Метешкин К.А. Анализ структуры дидактических языков науки // Проблемы построения лингвистического обеспечения образовательных систем высшей школы: сб. науч. ст. Харьков, 2005.
193. Минашкин А.В. Подведомственность арбитражным судам экономических споров и других дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений: проблемы соотношения норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 1.
194. Митрофанов Ю.А. Толкование закона в Великобритании и его нормативное регулирование // Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1999.
195. Мордовцева Т.В. Культурологический смысл юридической категории «традиционная религия» и ее альтернативы в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12.
196. Муратова Д.А. Правовая природа способа защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 4.
197. Мустайоки А. Возможна ли грамматика на семантической основе? // Вопросы языкознания. 1997. № 3.
198. Надеев Р. Законотворческие ошибки // Российская юстиция. 2001. № 5.
199. Новодранова В.Ф. Когнитивные аспекты терминоведения // Мат. Первой междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике: в 2 ч. Тамбов, 1998.
200. Новоселова Л.А. Определение объектов права собственности // Гражданин и право. 2001. № 2.
201. Оглоблина О.М. Правовое регулирование имущественных отношений в сельскохозяйственных коммерческих организациях // Законодательство и экономика. 1999. № 7.

202. Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкции у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. 2012. № 3.
203. Попов И.Д. Практика инициации иска в арбитражном процессе // Юрист. 2009. № 9.
204. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
205. Романовская О.В. Совет муниципальных образований - юридическое лицо публичного права // Российская юстиция. 2014. № 8.
206. Савин В.Т. Проблемы договорного регулирования материальной ответственности сторон трудового договора // Государство и право. 2012. № 5.
207. Слободнюк С.Л. Правовая реальность, правосознание и мнимость понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1.
208. Соболева А.К. Каноны толкования в праве // Проблемы юридической техники: сб. ст. М., 2000.
209. Суменков С.Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил // Государство и право. 2011. №7.
210. Сырых Е.В. Техничко-юридические критерии качества закона // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2000.
211. Сырых В.М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. Т. 1 / отв. ред. В.М. Баранов. Н.Новгород: НА МВД России, 2001.
212. Терещенко В.И. О стандартизации терминологии общественных наук // Научно-техническая терминология. М., 1984.
213. Урысон Е.В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998.
214. Хижняк С.П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения // Правоведение. 1990. № 6.
215. Шелов С.Д. Родовидовые определения и родовидовая иерархия терминологических понятий (на примере определений лингвистических терминов) // Вопросы языкознания. 1996. № 6.
216. Шелов С.Д. К лингвистической типологии терминологических определений // Научно-техническая информация. М.: Всерос. ин-т науч. и тех. информации, 2000. № 2.

217. Шишкина Ю.С. Проблема понимания категории «изменение пола» в России // Законодательство. 2012. № 8.
218. Шульженко Ю.Л. Форма Российской Конституции и ее толкование // Теоретические проблемы российского конституционализма. М.: ИГП РАН, 2000.
219. Эпштейн М.Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
220. Эрделевский А. Толкование договора // Российская юстиция. 1999. № 4.
221. Яцкевич Л.Г. О предпосылках создания словаря поэта (пути и средоточия поэтического слова Н. Клюева) // Мат. по истории лит-ры и поэтике. Вологда, 1995.
222. 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый Пермский междунар. конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18-19 октября 2013 г.): избр. мат. / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2014.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

223. Авербух К.Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
224. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
225. Ващенко Ю.С. Филологическое толкование норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2002.
226. Вопленко Н.Н. Акты толкования норм советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972.
227. Данилевская Н.В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008.
228. Зарва А.М. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003.
229. Комарова З.И. Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1991.
230. Костюк О.Н. Правовые средства разрешения конфликта интересов на государственной службе в Министерстве обороны Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
231. Лобанов П.А. Управление конфликтами в государственной гражданской службе Российской Федерации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.

232. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005.
233. Пиголкин А.С. Нормы советского права и их толкование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961.
234. Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.
235. Попова О.В. Регулирование социальных конфликтов государственной гражданской службой: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.
236. Трифонова Е.Н. Полисемия банковских терминов в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
237. Шестак О.В. Полисемия терминов медицинских наук: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
238. Шилова Е. В. Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
239. Щеколдин С.Ю. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011.

6. Литература иностранных авторов

240. Bork R. Allgemeiner Teil des Burgerlichen Gesetzbuchs: Lehrbuch des Privatrechts. Mohr Siebeck, 2006.
241. Bühler A. Die Vielfalt des Interpretierens // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003.
242. Ghestin J., Goubeaux G. Traite de Droit Civil. Introduction generale. P., 1990.
243. Gschnitzer F., Faistenberger C., Enge S. Allgemeiner Teil des burgerlichen Rechts. Springer, 1992.
244. Jhering R. Geist des romischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Zweiter Teil. Breitkopf und Hartel, 1838.
245. Karl N. Llewellyn. Remarks On The Theory of Appellate Decision and The Rules or Canons About How Statutes Are To Be Construed. Vander built law Review. Vol. 3. P. 396 - 406.
246. Pfersmann O. Contre le neo-realisme. Pour un debat sur l interpretation // Revue francaise de droit constitutionnelle. 2002. № 50. P. 295.
247. Shapo Helen S. et all. Writing and analysis in the law. 3-rd ed., Westbury, New York, The Foundation Press, Inc., 1995.
248. Култаева М. Идеально-типові конструкції філософського мислення // Філософська думка. 2005. № 2. С. 83-94.

249. Ясперс К. Техніки мислення // Філософська думка. 2005. № 2. С. 95.

7. Справочная литература

250. Бочарова Г.В. и др. Новый русско-английский, англо-русский словарь. М.: Эксмо, 2002.
251. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2002.
252. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1996.
253. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
254. О`Брайен М.А. Русско-английский и англо-русский словарь. М.: АСТ, 2003.
255. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990.
256. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1994.
257. Русский язык: энциклопедия. М., 1979.
258. Словарь иностранных слов. М., 1989.
259. Словарь синонимов русского языка / отв.ред. Л.А. Чешко. М., 1986.
260. Словарь современного русского литературного языка. М., 1993.
261. Современный философский словарь / отв. ред. В.Е. Кемеров. М., 1998.
262. Философский энциклопедический словарь. М., 1989
263. Энциклопедический юридический словарь / отв. ред. О.Г. Румянцев, В.Н. Додонов. М., 1996.
264. Энциклопедический юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998.
265. Юридический энциклопедический словарь / отв.ред. А.Я. Сухарев. М.: Сов. энциклопедия, 1984.
266. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2007.

Научное издание

Константин Геннадьевич Салтыков,

канд. юрид. наук, доцент

Семантика юридических терминов

Монография

Редактор Е.Ю. Колобанова
Корректор Н.Б. Хохлова

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 6,05. Тираж 80 экз. Заказ № 127.
Дальневосточный юридический институт МВД РФ.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный 15.

